

Записка Готскаго Топарха ¹⁾.

Настоящій трудъ — не то переводъ, не то передѣлка моего нѣмецкаго изданія, вышедшаго въ 1901 году въ Запискахъ Императорской Академіи Наукъ (томъ V, № 2) подъ заглавіемъ: Die Fragmente des Toparcha Gothicus (Anonymus Tauricus) aus dem 10. Jahrhundert. Лишь по напечатаніи моего нѣмецкаго труда сдѣлались мнѣ доступными оставшіяся невзданными сочиненія: 1) Гедсонова Варяги и Русь, 3 часть, и 2) Куника Галиндо и Черноморская русь, — сочиненія, побудившія меня пополнить свой комментарій особою статьею, озаглавленною «Черноморская Русь». Затѣмъ я воспользовался указаніями Ѳ. Успенскаго въ его рецензій на мой рукописный трудъ, представленный на соисканіе преміи гр. Уварова. Наконецъ, ради полноты, помѣщаю кромѣ перевода Газе и Васильевскаго и свой переводъ Записки готскаго топарха.

ВСТУПЛЕНІЕ.

«Между небольшими по объему, но важными по значенію, литературными памятниками, относящимися къ исторіи древней Руси, нѣтъ болѣе загадочнаго, чѣмъ записка какого-то климатарха или готскаго топарха» (Куникъ). Въ теченіе послѣднихъ десятилѣтій «фрагменты «Безыменнаго Таврическаго», — названіе данное автору записки въ 1871 году Куникомъ и переначенное имъ же въ 1874 году въ «Готскаго Топарха», — были предметомъ неоднократныхъ ученыхъ изслѣдованій въ Россіи и обратили на себя вниманіе даже за границей. Несмотря на это, все еще не успѣлъ разсѣяться таинственный мракъ, покрывающій нашъ документъ. Разъясненіе отрывковъ готскаго то-

1) Печатается по распоряженію III Отдѣленія Императорской Академіи Наукъ.

парха затрудняется въ сильной степени тѣмъ обстоятельствомъ, что авторъ записки, изъ желанія писать на классическомъ греческомъ языкѣ, избѣгаетъ употребленія возникшихъ позднѣе народныхъ именъ собственныхъ (*barbara sunt, — non scribuntur*). Ни области, въ которой происходятъ описанныя событія, ни выступающихъ на сцену лицъ и народовъ нельзя пока считать въ достаточной степени выясненными. И относительно хронологическаго опредѣленія, колеблющагося между концомъ IX и исходомъ X столѣтія, существуетъ большое разногласіе. Это обстоятельство придадо мнѣ смѣлости взяться за анализъ загадочныхъ фрагментовъ. Самъ Куникъ не разъ побуждалъ меня къ тому, тѣмъ болѣе, что я, владѣя познаніями по космографіи, могъ бы, по его мнѣнію, воспользоваться заключающимися въ 1. отрывкѣ астрономическими данными для болѣе точнаго опредѣленія времени, къ которому слѣдуетъ приурочить фрагменты. Кунику я также обязанъ важными библиографическими свѣдѣніями, такъ что нижеслѣдующій перечень всѣхъ сочиненій по нашему предмету надлежитъ признать болѣе или менѣе полнымъ. Чтобы дать мнѣ возможность проверить правильность моего нѣмецкаго перевода записки, Куникъ обратилъ мое вниманіе на ученаго византиниста Эд. Курца въ Ригѣ, который дѣйствительно съ предупредительной вѣжливостью и сдѣлалъ мнѣ рядъ интересныхъ указаній. Куникъ совѣтовалъ мнѣ также обратиться къ пользующемуся и среди историковъ извѣстностью астроному Вислиценусу, автору «*Astronomische Chronologie, Leipzig 1895*». Обширная переписка съ Вислиценусомъ насчетъ упомянутаго въ 1. отрывкѣ астрономическаго наблюденія помогла мнѣ проникнуть глубже въ смыслъ неудобопонятнаго мѣста, заключающаго астрономическія данныя. Лишь затѣмъ возможно было съ пользою приняться за вычисленіе, произведенное Я. Зейботомъ въ Пулковѣ.

Записка готскаго топарха была раньше 1815 года открыта знаменитымъ византинистомъ Газе въ сборникѣ, содержавшемъ посланія св. Василія, Фаларіда и св. Григорія Назіанзіна и, снабженная латинскимъ переводомъ, издана имъ же въ комментаріи на сочиненіе Льва Діакона въ 1819 году. Въ 1818 году означеннаго кодекса уже не было болѣе въ Парижской Королевской библіотекѣ. Поэтому Куникъ предполагаетъ, что онъ принадлежалъ къ тѣмъ драгоценнымъ рукописямъ, которыя послѣ втораго Парижскаго мира были возвращены ихъ прежнимъ владѣльцамъ. До сихъ поръ не удалось разыскать исчезнувшій сборникъ.

Содержаніе отрывковъ вкратцѣ слѣдующее. Первый фрагментъ: переправа черезъ замерзшій Дибиръ, описаніе рѣки до и послѣ ея замерзанія, сибѣжная буря, трудное путешествіе по вражеской странѣ. Второй фрагментъ: рѣшеніе топарха защищаться отъ варваровъ, характеристика варваровъ, укрѣпленіе топархомъ Климатовъ и заселеніе этой крѣпостцы. Третій фрагментъ, составляющій непосредственное продолженіе второго: набѣгъ варваровъ и ихъ отраженіе; приглашеніе лучшихъ людей на совѣщаніе въ Климаты и постановленіе собранія передаться подъ власть царствующаго на сѣверѣ отъ Дуная; поѣздка къ нему топарха и заключеніе договора къ обоюдному удовольствію.

ЛИТЕРАТУРА.

В. Hase. Leo Diaconus. Parisiis 1819, in-folio. Стр. 254—259. Это прекрасное произведеніе стало вскорѣ библиографической рѣдкостью, такъ какъ 150 экземпляровъ погибло по дорогѣ въ Россію вслѣдствіе кораблекрушенія. Вторично исторія Льва Діакона была издана въ Боннѣ (1828, in 8°). Въ этомъ изданіи наши отрывки занимаютъ стр. 496—505. Во избѣжаніе всякихъ недоразумѣній относительно взглядовъ Газе на Записку привожу его подлинныя слова цѣлымъ:

Haec est illa Chersonis a Wladimiro Magno occupatio, quam Nestor Annal. 105. B. version. Scher. a. Christi 988. accidisse auctor est. Ad illustrandas res temporum illorum pertinent fortasse epistolaene dicam an commentarii fragmenta, servata in Cod. saec. X. exeuntis, S. Basilii, Phalaridis, S. Gregorii Nazianzeni epistolas varias continente. In hoc igitur Codice, qui fuit Bibliothecae Regiae, possessor, qui et legationem circa Danaprim obivit, et oppido praefuit, litteris minutis perplexisque admodum, nec multo quam Cod. ipse recentioribus folia duo vacua illevis, multis verbis mutatis, inductis, superscriptis, ut dubitare non queas, eum hunc Cod., ut est exiguae molis, in expeditionibus secum portasse, pagellisque ejus vacuis ad epistolas commentariosque meditandos esse usum. Dabo fragmenta quo ordine sunt in Cod.: tametsi legationem, de qua statim, non nisi post bellum accidisse facile dicas. Prius sic incipit imperfecte, de Danapris trajectu, glacierum fragmentis lintres transmittentium infestantis.— На стр. 500: Hic imperfecte desinit fragmentum prius. Sequitur post quadraginta circiter

folia alterum, eadem intricatissima manu, quod, ut est loco in Cod. posterius, ita praecedenti subjungo: tametsi fortasse ad tempus antecedens pertinet. Gens, cui dux ille, quisquis est, oppidum sibi commissum tradiderit, quae sit, viderint docti, temporum partiumque illarum cognitionem cum prudenti iudicio conjungentes. Rem in Chersoneso Taurica geri declarat mentio Clematum facta: scriptura est ligata, quam vocant, saec. X aut XI.—На стр. 503 передъ послѣднимъ фрагментомъ: Sequuntur in folio alio abrupta illa, superioribus subjungenda.— На стр. 504—505: Desinit hic praeclarum illud plenumque rerum novarum fragmentum; quod si commentatio scriptiove, unde manat, integra aetatem tulisset, nae tunc haud paulo plus, quam nunc, sciremus de historia Chersonesi Tauricae in tenebris, ut ita dicam, jacente ab a. 950, circa quem Constantinus Porphyrogenneta scripsit, usque ad colonias Genuensium in hos tractus saec. XIII deductas.

Что касается латинскаго перевода Газе, то онъ нисколько не представляетъ лишь работу филолога (какъ утверждаетъ Куникъ), гнавшагося за щеголеватую латынь. Переводъ Газе, правда, недословный; все же онъ точно передаетъ содержаніе записки, что особенно справедливо въ отношеніи къ самымъ важнымъ мѣстамъ, и въ общемъ, мнѣ сдается, надежнѣе русскаго перевода Васильевскаго. Въ такомъ же смыслѣ высказался и Эд. Курцъ.

Е. Поповъ. Исторія Льва Діакона. С. - Петербургъ 1820, стр. 193—197. Русскій переводъ слишкомъ вольный и потому непригоденъ для цѣлей историка. Поповъ мѣстами пропускаетъ цѣлыя фразы. Къ тому онъ, на что указываетъ Васильевскій, совсѣмъ не знаетъ византійскаго словоупотребленія. Какой либо попытки объяснить фрагменты Поповъ не сдѣлалъ.

В. v. Köhne. Beiträge zur Geschichte und Archaeologie von Chersonesus in Taurien. St. Petersburg 1848, p. 220—222; cf. Mém. de la Société d'Archéol. III, 66—68. Въ 1846 году Куникъ устно обратилъ вниманіе этого изслѣдователя на Записку готскаго топарха. Кѣне ставитъ содержаніе отрывковъ въ связь съ исторіею Херсона и подозреваетъ въ «варварахъ» русскихъ во время Цимисхія, во всякомъ случаѣ въ эпоху, предшествовавшую княженію Владимира Святого, такъ какъ нашъ историческій памятникъ не содержитъ ни малѣйшаго намека на взятіе Корсуни русскимъ княземъ и его крещеніе.

С. Гедеоновъ. Отрывки о Варяжскомъ вопросѣ. Приложение къ 1. тому Записокъ Императорской Академіи Наукъ 1862, стр. 66—70.

По Гедсонову мѣсто совершенія описанныхъ во фрагментахъ событій находится въ области, расположенной между Корсунью и Керчью, въ промежутокъ времени отъ 969 до 971 года. Варвары, опустошавшіе крымское побережье, совпадаютъ, по его мнѣнію, съ (небывалою) Черноморскою Русью, а *rex ad septentrionem Istri dominans*—съ властителемъ великокняжеской Руси.—«Варяги и Русь», часть третья. Въ статьѣ XIII (стр. 165—172), озаглавленной: О черноморской Руси по запискѣ Таврическаго топарха, Гедсоновъ нѣсколько подробнѣе развиваетъ свои положенія, подвергая въ то же время критикѣ взгляды Ламбина, Иловайскаго, Куника и Васильевскаго, но не вносятъ ничего существенно новаго въ свое изслѣдованіе. Черноморская Русь Гедсонова (Отрывки 53—70 и Варяги и Русь 3 часть, статьи XI и XII, 135—172) это призракъ, долженствующій исчезнуть при болѣе внимательномъ отношеніи къ источникамъ. Къ сожалѣнію, эта вызванная къ временному существованію черноморская Русь успѣла ввести въ заблужденіе много видныхъ ученыхъ, въ томъ числѣ и Куника, такъ что не легко будетъ изгнать изъ науки русскую вольницу, яко-бы утвердившуюся задолго до 965 г. по обѣ стороны Керченскаго пролива. Въ своихъ «Замѣчаніяхъ» (Галиндо и Черноморская Русь) на сочиненіе Гедсонова, Куникъ на стр. 101 приводитъ нѣсколько его мелкихъ замѣтокъ, касающихся изслѣдованія Бурачкова о Запискѣ готскаго топарха.

А. Rambaud. L'empire Grec au dixième siècle. Paris 1870, p. 492, 493. Ср. Essai de chronographie byzantine par E. de Muralt. St. Pétersbourg 1855, p. 569, 570. Фрагменты, по мнѣнію Rambaud, трактуютъ о республикѣ Херсонской.

Евг. Марковъ. Очерки Крыма. С.-Петербургъ 1872, стр. 266. Авторъ преждевременно воспользовался содержаніемъ отрывковъ для своей популярно изложенной книжки, при чемъ онъ не впопадъ ссылается на С. Соловьева (5 изд. 1 т. «Исторія Россіи») и на «Древнерусскую исторію» Погодина, у которыхъ и помню нѣтъ о Запискѣ топарха.

Н. Ламбинъ. 1) Походъ Олега, въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія за іюль 1873 г., стр. 126. 2) О Тмутараканской Руси, тамъ же, 1874 г., часть 171, отд. 2, стр. 79—95. 3) Сравни тамъ же часть 174, отд. 2, стр. 83. Ламбинъ помѣщаетъ поле событій въ Крыму, отождествляетъ варваровъ съ русскими и царствующаго на сѣверѣ отъ Дуная съ великимъ княземъ Олегомъ; видитъ въ

народѣ, столь сильно пострадавшемъ отъ непріятелей, готовъ и полагаеть, что фрагменты восполняютъ пробѣлы въ русской исторіи отъ 884 до 906 г., въ особенности время отъ 893—897 года.

Ф. Брунъ. 1) Слѣды древняго рѣчнаго пути изъ Дибира въ Азовское море, въ Запискахъ Одесскаго Общества Исторіи и Древностей. Томъ V, Одесса 1863, стр. 125. 2) Матерьялы для исторіи Сугдей, въ Новороссійскомъ календарѣ за 1872 годъ, стр. 8. 3) Черноморскіе Готы и слѣды ихъ долгаго пребыванія въ южной Россіи, въ Запискахъ Импер. Акад. Наукъ. Томъ 24. С.-Петербургъ 1874, стр. 26, 27, 29, 30, 31, 49. Сравни: Черноморье. Одесса 1879—80, I, 113 и II, 128, 215—239; и *Die Goten am Pontus und die Spuren ihres lange andauernden Aufenthaltes im südlichen Russland. Aus dem Russischen übersetzt von F. Remy.* Одесса 1879, р. 36, 40, 43. Брунъ приводитъ нашъ источникъ въ связь съ походомъ Владимира на Корсунь. Относительно «варваровъ» онъ колеблется между русскими, хазарами (Кабарами) и Черными уграми. Оригинально его объясненіе слова τὰ Κληματα черезъ «виноградники».

А. (Эрнестъ) Куникъ. 1) О запискѣ Безымяннаго Таврическаго (Anonymus Tauricus), въ Отчетѣ о 14 присужденія наградъ гр. Уварова. 25 сент. 1871, стр. 106—110. 2) О запискѣ Готскаго Топарха, въ Запискахъ Имп. Акад. Наукъ. Т. 24. С.-Петербургъ 1874, стр. 61—93, 116—127. 3) Геденовъ Отрывки стр. 124: О черноморскихъ Руссахъ. 4) Замѣчанія на сочиненія С. Геденова (Галиндо и черноморская Русь), статья V: Готва и черноморская Русь, стр. 345 сл. Вернулся ли Куникъ въ концѣ своего изслѣдованія еще разъ къ Запискѣ Готскаго топарха, объ этомъ судить невозможно, такъ какъ сочиненіе его обрывается на стр. 384. 5) Разбросанныя въ различныхъ статьяхъ краткіе отзывы и паметки на наши фрагменты. Briefwechsel zwischen Akademiker Kunik — St. Petersburg und W. von Gutzeit—Riga in den Jahren 1876—1894, Riga 1899, p. 3—4. Bulletin Импер. Ак. Н. Томъ 27, 1881: Ergänzende Bemerkungen zu den Untersuchungen über die Zeit der Abfassung des Lebens des heiligen Georg von Amastris, p. 345—346. F. Braun, Jahresbericht der Reformierten Kirchenschule für 1889—1890. St. Petersburg 1890: Die letzten Schicksale der Kringoten p. 79.

Въ своемъ обширномъ изслѣдованіи «О запискѣ Готскаго Топарха» Куникъ дошелъ въ общемъ до поразительныхъ по правильности своей результатовъ. По Кунику, родина нашего фрагментиста не Хер-

сонъ, а область «Готія», лежавшая къ востоку отъ Херсона и населенная по преимуществу готами; въ варварахъ Куникъ призналъ хазаръ, а въ царствующемъ къ сѣверу отъ Дуная видитъ великаго князя Святослава. Куникъ угадалъ даже время поѣздки топарха къ Святославу («не задолго до 965 года»). Къ сожалѣнію этотъ ученый отрекся потомъ отъ своихъ выводовъ, увлекшись Гедеоновскою Черноморскою Русью. До какой степени онъ поддавался внушеніямъ Гедеонова, видно изъ его Примѣчаній на сочиненія Гедеонова (или: Галиндо и Черноморская Русь), гдѣ особая статья «Вольная и великокняжеская Русь» посвящена этому вопросу (стр. 324—345). Увѣровавъ въ [мнимую] вольную черноморскую Русь (до 965 г.), Куникъ поступилъ весьма послѣдовательно, отказавшись отъ своей прочно обоснованной гипотезы о тождественности варваровъ съ хазарами въ пользу русскихъ. Все же Куникъ не смогъ успокоиться на этомъ домыслѣ и отъ времени до времени—о чемъ свидѣтельствуеетъ его со мною переписка—возвращался къ отрывкамъ топарха; но связанный Черноморскою Русью, не былъ въ состояніи выйти на надлежащую дорогу и въ угоду своей призрачной вольной Руси сталъ не признавать въ хазарахъ воспримчивости къ культурнымъ началамъ. Однако онъ и впоследствии болѣе всего останавливался на эпохѣ Святослава. Уже издавна Куникъ интересовался содержащимися въ I. фрагментѣ астрономическими данными, которыя, какъ онъ надѣялся, могли бы дать твердую точку опоры для рѣшенія вопроса о хронологическомъ приуроченіи описанныхъ въ Запискѣ происшествій. Его попытка побудить астрономовъ исполнить эту задачу, не увѣчалась успѣхомъ. Все же, въ общемъ, Куникъ сдѣлалъ столь многое для разъясненія загадочныхъ фрагментовъ, что его сочиненія по этому предмету навсегда останутся краеугольнымъ камнемъ для будущихъ изслѣдователей. Тѣ, которые послѣ Куника принимались за анализъ нашего памятника, къ сожалѣнію, пошли по пути, проложенному лучшимъ знатокомъ древняго періода русской исторіи.

Д. Иловайскій. Разысканія о началѣ Руси. Москва 1882, стр. 57—327—331, 404—405. Мы имѣемъ дѣло со сборникомъ, въ составъ котораго вошли статьи, написанныя авторомъ въ началѣ 70-хъ годовъ, при чемъ позднѣйшая литература оставлена имъ безъ всякаго вниманія. По Иловайскому Климаты лежатъ въ Корсунской области, а варвары отождествляются съ русскими временъ Игоря.

В. Васильевскій. 1) Русско-византійскіе отрывки IV. Записки

греческаго топарха, въ Журналѣ Мин. Нар. Просв. за іюнь 1876, часть 185, стр. 368—434. 2) О постройкѣ крѣпости Саркела, тамъ же за октябрь 1889, часть 265, стр. 282—285. Въ первой своей обширной брошюрѣ Васильевскій даетъ намъ русскій (не безупречный) переводъ отрывковъ съ историко-филологическимъ комментариемъ, лингвистическій отдѣлъ котораго слѣдуетъ, за нѣкоторыми исключеніями, признать весьма цѣннымъ. Но напрасно Васильевскій, въ противоположность всѣмъ своимъ предшественникамъ, перемѣщаетъ поле дѣйствій, описанныхъ въ фрагментахъ, на нижнее теченіе Дуная, ко времени войнъ Святослава съ болгарами, и считаетъ τὰ Κλήματα за одно съ Κλεμάδες, крѣпостцой выстроенной Юстиніаномъ вблизи Оршovy. Отъ этого историческое поясненіе Записки у Васильевскаго страдаетъ такою сбивчивостью и запутанностью, что разобраться въ немъ крайне утомительно. Своимъ неудачнымъ перемѣщеніемъ мѣста Васильевскій подалъ сигналъ къ свободному полету фантазіи остальнымъ изслѣдователямъ нашего источника, которые съ тѣхъ поръ, безъ всякихъ зазрѣній совѣсти, переносятъ τὰ Κλήματα то на Дунай, то на Днѣпръ, то даже на Донъ, вполне пренебрегая тѣми свѣдѣніями у Константина Багрянороднаго, которыми онъ насъ снабжаетъ относительно τὰ Κλήματα.

На мой запросъ Васильевскому, остается ли онъ при своихъ взглядахъ на Записку, я получалъ, незадолго до его кончины, любезный отвѣтъ отъ 1 марта 1899 г. слѣдующаго содержанія: «... Что касается моего теперешняго мнѣнія о запискѣ топарха, о времени и мѣстѣ дѣйствія, то признаюсь Вамъ, что я къ этому предмету не возвращался своими мыслями. Иногда только мнѣ приходило въ голову, что не дурно было бы навести справки въ посмертныхъ бумагахъ Газа, которыя хранятся въ Національной библіотекѣ. Всего менѣе я стою за астрономическое толкованіе, такъ какъ въ сущности никакого изслѣдованія на этотъ счетъ не было сдѣлано... Я могу гордиться только тѣмъ, что первый напалъ на мысль о возможности призвать на помощь астрономію... Именно я настаиваю на томъ, что слово Κλήματα въ отрывкахъ слѣдуетъ понимать въ смыслѣ города; только этотъ городъ я отыскивалъ гдѣ-то далеко на Дунаѣ. Переправа на Днѣпръ можетъ быть гдѣ-угодно, не нарушая моей теоріи. Но Маврокастропъ есть, конечно, Аккерманъ. Вотъ все, что я могу сказать о своей статьѣ. Я не намѣренъ ни въ чемъ упорствовать, допускаю возможность ошпбокъ въ переводѣ отрывковъ...» Къ счастью для

нашихъ фрагментовъ, предположеніе Васильевского относительно мѣста дѣйствія не нашло сочувствія у большинства изслѣдователей, а, напротивъ, вызвало, какъ и слѣдовало ожидать, полное осужденіе. Результаты астрономическихъ вычисленій въ свою очередь неспровергають искусственную гипотезу Васильевского о полѣ дѣйствій топарха.

Во второй, полемической, статьѣ Васильевскій направляетъ свои удары противъ слишкомъ уже смѣлыхъ домысловъ Успенскаго, о чемъ см. ниже.

Пл. Бурачковъ. О запискѣ Готскаго Топарха, въ Журналѣ Мин. Нар. Просв. 1877, часть 192, стр. 199—252. Весьма важно указаніе Бурачкова на мѣсто переправы топарха черезъ Дибиръ (въ порожистой его части). При этомъ Куникъ особенно настаиваетъ на то, что Бурачковъ, какъ уроженецъ Придиѣпровья, имѣлъ полную возможность основательно ознакомиться съ рѣкою во всякое время года. Б. оспариваетъ историческое толкованіе Васильевского, но къ крайнему нашему удивленію помѣщаетъ съ своей стороны Климаты вблизи пороговъ Дибира. Доводы его отличаются значительной неясностью изложенія. Статья Б. осталась какъ-то незамѣченною многими учеными, занимавшимися послѣ него разработкой Записки, хотя она заключаетъ въ себѣ рядъ удачныхъ замѣчаній, какъ напримѣръ: Черную Болгарію не слѣдуетъ искать на Кубани, она лежала къ сѣверу отъ Крыма; ни у Константина Багрянороднаго, ни въ договорѣ 944 года нѣтъ рѣчи о русскихъ у Керченскаго пролива; около середины X вѣка Херсонская область не простиралась до Киммерійскаго Босфора; придуманный Бруномъ рѣчной путь между Дибиромъ и Чернымъ моремъ не существовалъ на дѣлѣ...

W. Tomaschek. Ethnologische Forschungen I. Die Goten in Taugien. Wien. 1881, p. 33—38. Томашекъ присоединяется въ общемъ къ добытымъ Куникомъ результатамъ и позволяетъ себѣ расходиться съ нимъ лишь въ мелочахъ. Такъ, онъ не считаетъ Кіевъ цѣлью путешествія топарха, относитъ описываемыя происшествія къ 968 (либо 969) году, отождествляетъ τὰ Κλήματα съ готскимъ Daigóns, что лежитъ за Чартырдагомъ, и полагаетъ, что доходы, дарованные Святославомъ начальнику въ Климатахъ, составляли мытъ съ гавани Βαρχυοῦσις въ Тарханскомъ Кутѣ... Томашекъ того убѣжденъ, что важные для исторіи Крыма фрагменты, за отсутствіемъ въ нихъ собственныхъ именъ, навсегда останутся темными и неразгаданными.

Впрочемъ, этотъ ученый въ письмѣ отъ 16 апрѣля 1901 г. высказалъ полное свое согласіе съ моимъ объясненіемъ Записки, исчерпывающимъ по его мнѣнію предметъ до основанія.

Ios. Lad. Pič. Der nationale Kampf gegen das ungarische Staatsrecht. Leipzig 1882 p. 83 примѣч. 13. Пичъ слѣдуетъ Васильевскому за исключеніемъ того, что побуждаемый (неправильнымъ) вычисленіемъ астрономическаго наблюденія, сдѣланнымъ Зейдлеромъ, отодвигаетъ изображенныя во фрагментахъ событія къ началу 90 годовъ X столѣтія. Указавъ на опредѣленіе времени византийномъ Газе, Пичъ замѣчаетъ: «Другая точка опоры заключается въ извѣстїи, что во время переправы топарха черезъ Днѣпръ планета Сатурнъ была видна въ началѣ созвѣздія Водолея (Κρόνου δὴ καλοῦμένου· καὶ γὰρ ἔτυχε περὶ τὰς ἀρχὰς διῶν ὑδροχόου) и заходила около полуночи (περὶ μέσας νύκτας . . . ἐσπέριον φάσιν ἤδη ποιοῦντος); время года наконецъ можетъ быть приурочено къ исходу полябры мѣсяца, такъ какъ Днѣпръ только что покрылся льдомъ. Согласно обязательному вычисленію пражскаго профессора доктора А. Зейдлера, Сатурнъ во второй половинѣ X вѣка два раза находился въ созвѣздіи Водолея (310° — 320° эклиптики), а именно между 961 и 963 г. ($302\frac{1}{2}^{\circ}$ — $328\frac{1}{2}^{\circ}$) и 991—992 ($310\frac{1}{2}^{\circ}$ — $322\frac{1}{2}^{\circ}$); къ концу 961 года однако Сатурнъ восходилъ и заходилъ одновременно съ солнцемъ и потому былъ невидимъ; въ ноябрѣ же 991 г. онъ заходилъ около полуночи». Заключение Зейдлера не выдерживаетъ критики въ виду неправомерности его посылокъ. Наблюденіе происходило не ночью, а вечеромъ. Важное свѣдѣніе ἡλίου κατὰ τὰ χειμερινὰ διατρέχοντος sole brumalia signa permeante оставлено безъ вниманія. Зимніе знаки—это время отъ зимняго солнцестоянія до весенняго равноденствія. Подъ началомъ Водолея Зейдлеръ понимаетъ ϵ и μ этого созвѣздія, между тѣмъ какъ Сатурнъ попасть сюда никогда не можетъ. Къ тому слова καὶ γὰρ ἔτυχε περὶ τὰς ἀρχὰς αὐτὸς διῶν ὑδροχόου допускаютъ еще иное толкованіе (ибо онъ находился какъ разъ въ началѣ своего прохожденія черезъ Водолея), толкованіе, весьма удачное съ астрономической точки зрѣнія. Словомъ, вычисленіе Зейдлера, произведенное на основаніи превратно понятыхъ данныхъ, оказывается воиолнѣ несостоятельнымъ. Такого же мнѣнія В. Вислиценусъ въ Страсбургѣ и Я. Зейбогъ въ Пулковѣ.

II. Голубовскій. Печенѣги, Торки и Половцы до нашествія Татаръ. Исторія южнорусскихъ степей въ IX—XIII вѣкахъ. Кіевъ 1884, стр. 201—205. По Голубовскому Маврокастропъ (въ 1 отрывкѣ)

совпадаетъ съ Кара-Германъ (Черный городъ) на Южномъ Бугѣ. Голубовскій возстаеъ противъ мнѣнія Васильевскаго, будто Маврокастронъ тождественъ съ Аккерманомъ (Бѣлый городъ). Въ противоположность Васильевскому онъ считаетъ Боріонъ не за греческое, а за славянское поселеніе. Этими краткими замѣчаніями ограничивается Голубовскій, не вдаваясь въ подробный анализъ Записки, известной ему только по русскому переводу Васильевскаго.

Θ. Успенскій. Византійскія владѣнія на сѣверномъ берегу Чернаго моря въ IX и X вв. (Кіевская Старина, ежемѣсячный историческій журналъ. Годъ восьмой. Томъ XXV, 1889 годъ, стр. 253—254, 264—269, 273—280, 285—299). Заслуженный ученый приурочиваетъ содержаніе Записки къ 903 или же 904 годамъ, отождествляетъ царствующаго на сѣверъ отъ Дуная съ Симеономъ, царемъ болгарскимъ, переноситъ Климаты на Дюль и усматриваетъ въ авторѣ отрывковъ византійскаго полководца, коего задача будто заключалась въ расширеніи греческихъ владѣній и въ усиленіи византійскаго вліянія на югѣ нынѣшней Россіи. Черезъ-чуръ смѣллыя, идущія перѣдко въ полный разрывъ съ историческими свидѣтельствами предположенія Успенскаго,—такъ напримѣръ, онъ построеніе Саркела относитъ совершенно произвольно къ времени Льва Мудраго, видитъ въ Саркелѣ византійскую крѣпость и готовъ принять архитектора Петрона за нашего фрагментиста,—нашли саркастическій отпоръ со стороны Васильевскаго. Въ такомъ же духѣ отозвался на взгляды Успенскаго и Кушникъ въ письмѣ отъ 14 янв. 1898 г. Понятка Ласкина (Сочиненія Константина Багрянороднаго, переводъ Г. Ласкина. Москва 1899, стр. 224—225) отстоять мнѣнія Успенскаго не заслуживаетъ одобренія.—Не лишень интереса приложенный въ концѣ статьи Успенскаго рисунокъ, изображающій прохожденіе Сагуриа черезъ созвѣздіе Володея въ началѣ X вѣка, по вычисленіямъ Одесскаго астронома А. Кононовича.

F. Braun. Die letzten Schicksale der Kringoten. (Jahresbericht der Reformierten Kirchenschule für 1889 — 1890. St. Petersburg 1890, p. 18 — 20 и 79). Браунъ держится взглядовъ Кушника на Записку.

Kuhn. Рефератъ лекціи Куна: Ueber neuere Forschungen zur Geschichte der Gothen in der Krim, въ приложеніи къ Allgemeine Zeitung 1891 № 336, München, Freitag, 4. December. Beilage-Nummer 284, p. 7. Крымскіе готы соединяются въ X вѣкѣ съ «Ros» (русскими).

R. Loewe. Die Reste der Germanen am Schwarzen Meere, Halle 1896, p. 217—218. Авторъ слѣдуетъ Кунику (по Томашеку и Брауну).

П. Милоковъ. Время и мѣсто дѣйствія записки греческаго топарха. (Труды 8 Археологическаго Съѣзда въ Москвѣ 1890. Томъ III. Москва 1897, стр. 278—289). Милоковъ отвергаетъ палеографическое опредѣленіе времени у Газе. Онъ комбинируетъ домыслы Васильевскаго и Успенскаго. вмѣстѣ съ Васильевскимъ онъ вступается за названія Дунай, какъ мѣсто дѣйствія, вмѣстѣ съ Успенскимъ подозреваетъ въ могущественномъ монархѣ царя Симеона и имѣетъ въ виду время между 893 и 913 годами. У Милокова перепечатанъ сплоша греческій текстъ съ переводомъ Васильевскаго. Краткое извлеченіе его статьи помѣщено въ Византійскомъ Временникѣ, томъ V, стр. 549.

H. Schneiderwirth. Zur Geschichte von Cherson (Sebastopol) in Taurien (Krim). Berlin 1897, p. 39. По автору, коснувшемуся слегка нашей Записки, многія подробности никакъ не подходятъ къ Херсону, какъ напр. жалоба жителей, что они никогда не пользовались благодѣяніями императора. Относительно мѣста дѣйствія Шнейдервиртъ склоняется къ Балканскому полуострову, въ чемъ случайно сходится съ Васильевскимъ, а въ варварахъ видитъ скорѣе печенѣговъ, нежели русскихъ.

K. Krumbacher. Geschichte der byzantinischen Litteratur. 2. Aufl. München 1897, p. 268—269. Крумбахеръ наравнѣ съ другими учеными придаетъ отрывкамъ крымскаго топарха большое значеніе въ отношеніи исторіи, географіи и этнографіи древнѣйшаго періода русской исторіи. По Крумбахеру Записка написана поразительно ловкимъ и юмористически окрашеннымъ языкомъ. На мой запросъ, во что ставить палеографическое опредѣленіе у Газе, я получилъ отъ знаменитаго византиниста слѣдующее обязательное сообщеніе отъ 4 ноября 1898 года: . . . главное затрудненіе заключается въ томъ, что развитіе почерка въ различныхъ мѣстахъ различное и что мы еще далеки отъ различенія рукописей по мѣстамъ ихъ происхожденія. Къ этому присоединяется то обстоятельство, что вслѣдствіе незнанія нами возраста переписчиковъ, время можетъ раздвинуться на полвѣка. Еще въ новѣйшее время неоднократно ошибались на цѣльяхъ столѣтій. Тѣмъ возможнѣ были промахи въ то время, когда Газе издавалъ топарха!— Согласно указаніямъ Крумбахера мы поступимъ правильнѣе, если бу-

демъ держаться второго болѣе общаго опредѣленія времени у Газе
scriptura est ligata, quam vocant, saec. X aut XI.

Ю. Кулаковскій. Записка Готскаго томарха, въ Журналѣ М. П. Пр. 1902 г. Апрель, стр. 449—459. Въ этой рецензій на мое нѣмецкое изданіе авторъ высказывается въ пользу Крайней перемены черезъ Дибиръ, склоняетъ признать въ Климатахъ горный Крымъ и считаетъ лишь вѣроятнымъ, что въ Запискѣ «мы имѣемъ матеріалъ для уясненія отношеній Кіевской Руси къ Крыму, но ключъ къ разгадкѣ самаго смысла событій все еще не найденъ и апошнмъ, помимо своей безымянности, все еще остается таинственнымъ». На стр. 456 Кулаковскій, замѣчая вскользь, страннымъ образомъ выдаетъ Селину Константина Б., т. е. Сулинскій рукавъ Дуная, за притокъ Дибра.

К. Крумбахеръ въ *Byzant. Zeitschr.* X. 3 и 4, стр. 657—8, дѣлаетъ краткое сообщеніе о моемъ трудѣ, замѣчая въ заключеніе, что несмотря на основательный пересмотръ вопроса о Запискѣ, все-таки остается много темнотъ, зависящихъ отъ неопредѣленности показаній автора отрывковъ.

Ө. Успенскій. Отчетъ о сорокъ четвертомъ присужденіи награды графа Уварова. С.-Петербургъ 1904. стр. 243—262. Мой многоуважаемый рецензентъ приходитъ къ слѣдующему результату: . . . «яли пужно время описываемыхъ событій отнести къ IX вѣку или перенести ихъ изъ Крыма къ Дунаю, или на Догъ». Къ сожалѣнію, главное предположеніе, отъ коего исходятъ Успенскій, опять-таки весьма смѣлое. Онъ считаетъ наши отрывки за экскериты изъ какого-то обширнаго трактата о придунайскихъ областяхъ, при чемъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ приписываетъ мнѣ мнѣніе, противъ котораго я же вооружаюсь, мнѣніе, будто я вмѣстѣ съ Газе усматриваю въ отрывкахъ *путевыя* записки томарха. Предположеніе Успенскаго вполне противорѣчитъ непосредственному наблюденію издателя рукописи, который, судя уже по одному только внѣшнему виду, призналъ ее подлинною и счелъ за *путевыя* замѣтки томарха. Последнее заключеніе, хотя и не оправдывается, все же дѣнно тѣмъ, что обнаруживаетъ полную увѣренность знаменитаго византиста въ томъ, что передъ нимъ автографъ, оригиналъ, а не копія, не экскериты изъ другого сочиненія, какъ полагаетъ Успенскій. Другая ошибка заключается въ томъ, что мой рецензентъ безъ всякой основательной причины усматриваетъ въ авторѣ Записки непременно *византийскаго* чиновника. Наконецъ, Успенскій, подобно Кулаковскому,

не смогъ совладать съ астрономическимъ отдѣломъ моего изслѣдованія. Хотя въ общемъ выясненіе нашей Записки не подвигнуто впередъ Успенскимъ, а, напротивъ, вопросъ о загадочныхъ фрагментахъ только еще болѣе запутался благодаря его рецензій, все таки онъ дѣлаеть рядъ отдѣльныхъ вѣскихъ замѣчаній, дающихъ новое освѣщеніе Запискѣ въ нѣкоторыхъ ея частностяхъ.

1. Отрывокъ.

I ГЛАВА.

§ 1. δυσχερῶς κατήγετο, καίτοι μὴ πλείους τριῶν ἀνδρῶν ἐκάστου σφῶν δεχομένου· οὕτω πάνυ φαυλότατα ἦν. Ἄλλ' οὐδὲ ταῦτα ὁμῶς χώραν εἶχε παρὰ τῷ ρεύματι· πολλὰ γὰρ αὐτῶν ἐπὶ μεγίστοις πάγροις δυσὶ συνηράσσετο καὶ ξυνέπιπτε· καὶ ὄσαχού τοῦτο ξυμβαίη, ἐκπηδῶντες¹⁾ τοῦ πλοίου οἱ ἐν αὐτῷ²⁾ τῷ πάγῳ καθήντο, καὶ ὡς ἐφ' ὀλκάδος ἐφέροντο. Ἐνια δὲ αὐτῶν καὶ κατέρραξεν ὑποβρύχια· οὕτως ἄρα χαλεπαίων ὁ Δάναπρις ἐτύγχανεν.

дυσχερῶς κατήγετο: они (суда) съ трудомъ приставали. Выраженіе «приставать» не слѣдуетъ понимать въ смыслѣ «причаливать», какъ будто причаливаніе къ берегу было особенно затруднительно. Нѣтъ, здѣсь авторъ желаетъ сказать, какъ видно изъ дальнѣйшаго разсказа, что самая переправа черезъ рѣку съ одного берега на другой была сопряжена съ большою опасностью, такъ что, пожалуй, смыслъ фразы лучше передать словами: «они съ трудомъ достигали берега (доѣзжали)». Невозможно рѣшить вопросъ о томъ, какой собственно берегъ имѣется въ виду: тотъ ли, на которомъ стоялъ топархъ, или противоположный; вѣроятно — послѣдній. Кто такіе были путники, знать нельзя.

Ἄλλ' οὐδὲ ταῦτα ὁμῶς χώραν εἶχε παρὰ τῷ ρεύματι. Дословно: Но даже такіе (жалкіе челноки) все-таки не имѣли мѣста у потока (въ потокѣ). Слѣдующая за тѣмъ фраза вполнѣ поясняетъ мыслъ топарха. Рѣка, покрытая густыми массами льду, не давала простора движенію лодокъ. Понятно, что конный караванъ топарха (см. ниже) не могъ рѣшиться на переправу черезъ бурную рѣку.

1) ἐκπηδῶντες Cod.

2) Videtur deesse aliquid vel hic, vel post ei.

. *συνράσσετο καὶ ξυνέπιπτε*. Переводъ Васильевскаго: «многіе изъ нихъ (судовъ) попадали между двумя величайшими льдинами и начинали тонуть», не точно передаетъ смыслъ предложенія. Суда спирались двумя громаднѣйшими льдинами и сдавливались ими. Что при этомъ лодки съ пассажирами начинали тонуть, вводитъ естественно; но этого нѣтъ въ греческомъ текстѣ. Наше переводитъ правильно: *collisis atque contritis*. Передача этого мѣста у Васильевскаго обуславливается, мнѣ кажется, его особеннымъ толкованіемъ слѣдующей фразы: Ἐνια δὲ αὐτῶν καὶ κατέρραζεν ὑποβρύχια «А нѣкоторыя изъ нихъ (судовъ) разбились и были поглощены водою», между тѣмъ какъ у Газе стоитъ: *Aliae lintres vel hauciebantur fluctibus*. Дословно (по Курцу): «а нѣкоторыя изъ нихъ отъ (потока) увлекъ съ собою внизъ поглощенныя водою». Отъ этихъ-то судовъ авторъ отличаетъ незначительное число лодокъ, имѣвшихъ другую участь. Въ то время какъ «многія» суда затергья разбились о ледяныя глыбы, при чемъ экипажъ ихъ успѣлъ спастись, дѣло обшлось иначе съ немногими (ἔνια) изъ нихъ: они вмѣстѣ съ пассажирами пошли ко дну. Такъ я понимаю греческій текстъ. Прону обратить вниманіе на то, что за Ἐνια δὲ αὐτῶν καὶ κατέρραζεν ὑποβρύχια слѣдуютъ слова οὕτως ἄρα χαλεπαίνων ὁ Δάναπρις, подтверждающія, какъ мнѣ кажется, мое толкованіе. Видно, что не столько отъ густыхъ массъ льду, сколько отъ сильнаго волненія воды, «нѣкоторыя» изъ лодокъ потеряли крушеніе. Не такъ понимаетъ Васильевскій это мѣсто. «Нѣкоторыя» суда, по его мнѣнію, разбились и потонули, между тѣмъ какъ «многія изъ нихъ» попадали между величайшими льдинами и лишь начинали тонуть, причемъ однако не пошли ко дну. Что эти суда остались цѣлы, трудно предположить, въ видѣ словъ *συνράσσετο καὶ ξυνέπιπτε*. Въ текстѣ говорится, что пассажиры высказывали изъ нихъ, садясь на льдины и ѣхали на нихъ какъ на плотяхъ. Пользовались ли они позднѣе этими, но меньшей мѣрѣ, поврежденными судами, объ этомъ авторъ молчитъ.

§ 2. Ἦμεῖς δὲ αὐτοῦ χαλεπώτερον καὶ ἐπὶ πλείστον προσεδεχόμεθα, καὶ ἡμεν ὡσπερ ὀργιζόμενοι κατ' αὐτοῦ, τῷ μὴ πεπῆχθαι. Καὶ οὐ πολλὰς πω ὕστερον ἡμέρας τὸ ὕδωρ ἀπανταχῇ πέπηκτο, καὶ ἐπὶ μέγα ἦν ἰσχυρόν ὡς καὶ πεζῇ καὶ ἵπποις ἀφύβως ἰέναι κατὰ τοῦ ρεύματος, καὶ ἀγῶνας ὡς ἐπὶ πεδίων ἀνδρικῶς ἀγωνίζεσθαι.

Ἦμεῖς δὲ αὐτοῦ χαλεπώτερον. . . Курцъ переводитъ *χαλεπώτερον* весьма остроумно: «А мы ждали еще болѣе сердитые, чѣмъ онъ»

(Днѣпръ). Курцъ предполагаетъ здѣсь игру словъ: χαλεπαίνων ὁ Δάναπρις и ἡμεῖς χαλεπώτερον.

Все же я предпочитаю переводъ Газе и Васильевского.

οὐ πολλὰς πω ὑπερον ἡμέρας дословно: «еще не много дней спустя», т. е. уже нѣсколько дней спустя.

(τὸ ὕδωρ) ἐπὶ μέγα ἦν ἰσχυρόν. Газе: erat aqua. . . . tum mirifice firma. Васильевскій: «вода. . . превратилась въ такую твердую поверхность». Эд. Курцъ понимаетъ ἐπὶ μέγα иначе, въ смыслѣ «на большемъ пространствѣ», противъ чего врядь ли возможно возражать съ лингвистической точки зрѣнія. Но такому пониманію текста нѣсколько мѣшаетъ предыдущее предложеніе τὸ ὕδωρ ἅπαντα χῆ πέπηκτο. Равнымъ образомъ и слѣдующая фраза лучше согласуется съ «mirifice» у Газе: «такъ что и пѣшкомъ, и на коняхъ можно было безъ страха идти по рѣкѣ и состязаться здѣсь бодро въ бояхъ, какъ будто на равнинѣ».

Удивленіе топарха прочности ледяного покрова и дѣтски-наивное разсужденіе о поразившемъ его явленіи, выдаютъ южанина, которому невиданное зрѣлище огромной замерзшей рѣки было въ диковинку. Нельзя ли отсюда вывести заключеніе, что родину его не слѣдуетъ искать ни на Дунаѣ, ни на Днѣпрѣ, ни на Дону?

§ 3. Καὶ καθάπερ τις θαυματοποιῶν ὁ Δάναπρις ἐδέδεικτο, βαρὺς μὲν καὶ χαλεπὸς τὸ πρὶν αἰωρούμενος¹⁾, καὶ μονονουχί τοὺς εἰς αὐτὸν ὄρωντας πάντας φοβῶν· μετὰ δὲ μικρὸν ἀνεῖναι τε, καὶ τοσοῦτον μαλακισθῆναι, ὡς ὑφ' ἅπαντων παύεσθαι τε καὶ καταπεπατῆσθαι, ὑπόγειός τις ὡσπερ εἰ δεικνύμενος, ὑπὸ καταδυσίῃ τινα ἑαυτὸν καθιδρύσας.

Изъ описанія Днѣпра и впечатлѣнія, произведеннаго имъ на топарха, явствуетъ, что эта могучая рѣка представлялась ему въ видѣ бурнаго и стремительнаго потока. Днѣпръ вздымался, злясь и гнѣвался, но не отъ дѣйствія вѣтра, на что нѣтъ ровно никакого намека. Лишь нѣсколько дней спустя послѣ переѣзда черезъ ставшую рѣку поднялся сильный сѣверный вѣтеръ, перешедшій затѣмъ въ ужасную бурю. Даже если принимать въ разсчетъ риторическое преувеличеніе со стороны автора, мы не въ состояніи освободиться отъ впечатлѣнія, что рѣчь идетъ не о медленно и спокойно текущихъ водахъ, а напротивъ о дикомъ и бурномъ потокѣ. Эти соображенія невольно наводятъ на мысль, что описаніе взволнованнаго Днѣпра не подходятъ къ паж-

1) αἰωρούμενος Cod.

псму теченію съ его медленнѣмъ и незначительнымъ паденіемъ.—Наглядное изображеніе рѣки до и послѣ замерзанія, изумленіе передъ столь внезапно преобразившимся Дигбиромъ свидѣтельствуяютъ безспорно въ пользу предположенія, что тонархъ незнакомъ былъ съ своеобразными явленіями сѣверной зимы, всегда сильно дѣйствующими на воображеніе южанъ. Поэтому мы могли бы помѣстить родину составителя Записки въ странѣ, что не холоднѣе южнаго побережья Таврическаго полуострова.

§ 4. Οὐ γὰρ ὕδασιν οὕτω νάουσιν ἔρχει τὰ ρεύματα, ἀλλ' ὄρη σκληρά¹⁾ τινα καὶ λιθώδη μᾶλλον ἐδέδεικτο. Τί γὰρ ἴσων ἢ ἑοικὸς τὸ καταφερόμενον ἐκεῖνο καὶ ὑδατι;

Никто изъ изслѣдователей, за исключеніемъ Бурачкова, не обратилъ должнаго вниманія на характеристическое описаніе Дигбира до и послѣ его замерзанія, а между тѣмъ оно даетъ ключъ къ разрѣшенію не одной загадки. Бурачковъ, знатокъ Придигбирова, такъ высказывается на стр. 208 своего сочиненія:

«Достаточно одного знанія мѣстности, чтобы прійти къ заключенію, о томъ, что картина, изображенная тонархомъ, относится къ порожистой части Дигбира, гдѣ онъ, вслѣдствіе высоты паденія, достигаетъ наибольшей быстроты теченія. Описывая пороги, Константинополь говоритъ, что вода, ударяясь о крутыя скалы, подымающіеся изъ середины рѣки, волнуется, и потомъ низвергаясь наводитъ ужасъ; то же самое оцущеніе испытывалъ и тонархъ. Только здѣсь Дигбиръ замерзаетъ такъ, какъ описано у тонарха; что же касается до низовьевъ Дигбира, то тамъ, при извѣстной точкѣ пониженія температуры, поверхность воды покрывается одновременно сплошнымъ и ровнымъ льдомъ. Тѣ суровыя и окаменѣлыя горы, о которыхъ говорить тонархъ, бываютъ видимы только въ порогахъ, гдѣ быстрота теченія, увлекающая образующійся на поверхности ледъ, дробить его о камни и нагромождаетъ изъ него цѣлыя горы по берегамъ. Въ порожистой части Дигбира переправа по льду устанавливается гораздо позже и тогда только, когда впереди несомый отъ пороговъ ледъ не находитъ уже свободнаго пространства двигаться далѣе. Ниже пороговъ никогда не случается, чтобы льдины, которыя въ состояніи поддерживать людей, плавали бы свободно на его поверхности, какъ описано у тонарха; но эта особенность замерзанія Дигбира есть обыкновенно

1) Haec sunt tam intricata scripta, ut nescias utrum σκληρὰ an σκληρὰ legendum sit.

венное въ порогахъ явленіе. Такимъ образомъ, достаточно было простаго прочтенія записки топарха знакомому съ мѣстностью, чтобы опредѣлять пунктъ его переправы черезъ Днѣпръ».

Бурачковъ въ своемъ поясненіи ссылается также на слѣдующія сочиненія: Шмидтъ, Херсон. губ., стр. 172—175 и Матер. для статист. рѣчн. судоход. С.-Пб. 1872, стр. 64—67.

Я же съ своей стороны получилъ, благодаря обязательному посредничеству Правленія Кіевского Округа Путей Сообщенія, отъ инспектора судоходства рѣки Днѣпра, пен. обяз. начальника Екатеринославскаго Отдѣленія, слѣдующее увѣдомленіе, помѣченное 6 окт. 1898 г. за № 1983: . . . «приводимые въ семь писемъ характерные признаки замерзанія рѣки Днѣпра слѣдуетъ отнести къ порожистой части рѣки Днѣпра, гдѣ дѣйствительно, вслѣдствіе зажоровъ льда, образуются иногда цѣлыя ледяныя горы, высотой въ пятнадцатый домъ, загораживающія рѣку на протяженіи всей ея ширины».

Выясненіе мѣста переправы черезъ Днѣпръ останется неотъемлемою заслугою Бурачкова. Какъ жаль, что его статья ускользнула отъ вниманія Усенскаго (Кіевская Старина).

Отчего Кулаковскій (456) не придалъ значенія разъясненіямъ Бурачкова, а Усенскій (Отчетъ) обходитъ ихъ полнымъ молчаніемъ? Потому что по ихъ предвзятому мнѣнію мѣсто переправы было въ низовьяхъ Днѣпра. Кулаковскій удивительнымъ образомъ усматриваетъ въ *βρη λιθωδη* нанесенныя метелью сугробы снѣга, забывая, что, какъ только рѣка стала, топархъ немедленно переправляется на другой берегъ и что снѣжная буря разразилась лишь нѣсколько времени спустя послѣ переѣзда топарха черезъ Днѣпръ, а Усенскій (245) требуетъ отъ автора фрагментовъ такого же описанія пороговъ, какое далъ Константинъ Багрянородный, при чемъ типичныхъ чертъ Днѣпра у пороговъ, приведенныхъ топархомъ, очевидно ни во что не ставитъ и кромѣ того упускаетъ изъ виду, что начала, гдѣ быть можетъ и стояло болѣе подробное описаніе пороговъ, не хватаетъ у нашего отрывка. Усенскому кажется страшнымъ, что топархъ то говоритъ о горахъ, то о равнинѣ, забывая, что именно такое сочетание замѣчается зимою въ порожистой части Днѣпра, гдѣ выше и ниже пороговъ, около которыхъ спираются и нагромождаются льдины, разстилаются ровныя пространства. Кулаковскому, какъ кажется, невѣдомо, что кромѣ Крарійской переправы (у Кичкаса), приходившей непосредственно за порогами къ сѣверу отъ Хортицы, существовали

еще другія мѣста переправъ. Изъ Боулана и Ласоты, на которыхъ даромъ ссылается Кулаковскій, именно явствуется, что у Кичкаса была не единственная, а лишь самая лучшая переправа. Про Кичкасъ Боуланъ говоритъ: *c'est là le plus grand et commode passage qu'ayent les Tartares, tant qu'en ce lieu, le canal ne peut pas avoir plus de 150 pas*, а Ласота замѣчаетъ, что здѣсь, у Кичкаса также татарская переправа. Отчего нашъ топархъ вмѣсто обычной и удобнѣйшей дороги черезъ Дибиръ избралъ другое мѣсто, мы не знаемъ. Отрицать же возможность переправы черезъ Дибиръ въ иномъ мѣстѣ и утверждать: «по картѣ путь въ Крымъ изъ Кіева черезъ пороги является прямой безмыслицей», наводитъ на мысль, что Кулаковскій не потрудился взять въ руки карту, чтобы разыскать на ней Кичкаса (Эйнлаге).

Чтобы убѣдиться въ томъ, происходятъ ли зазоры льда у Кичкаса, гдѣ Кулаковскій помѣщаетъ мѣсто переправы топарха черезъ Дибиръ, я обратился къ Инспектору судоходства по рѣкѣ Дибиру и я получилъ отъ Помощника Начальника Екатеринбургскаго Отдѣленія по 1-му участку письмомъ отъ 19/XII 1902 г. слѣдующее обязательное сообщеніе: «Зазоры льда у Кичкаса (Эйнлаге) возможны только ниже пристани на участкѣ до начала Хортицкаго острова, усѣянномъ множествомъ камней; выше же Кичкасъ рѣка глубока (свыше 20 с.) и свободна отъ камней, а потому и зазоровъ не бываетъ». Изъ этого сообщенія видно, что у Кичкаса, на значительномъ разстояніи вверхъ и внизъ по рѣкѣ, не могла образоваться панорама, такъ сильно поразившая воображеніе топарха.

2 ГЛАВА.

§ 1. Ὁδὸν ἡμῖν τὸ κατηφές εἰς χαρὰν μεταβέβλητο· καὶ χεῖρας ἀναχροτήσαντες ἱκανῶς προσέμεν¹⁾ κατὰ πέλαγος ἱππασάμενοι. Ἀκωλύτως τε διαβάντες καὶ κατὰ τὴν κόμην γενόμενοι τὴν Βοριῶν, πρὸς εὐωχίαν ἐτρέπημεν καὶ ἱππων ἐπιέλειαν, ἢ πορημένων καὶ αὐτῶν καὶ καταπεποιημένων ὡς πλείστον. Κάκει ἡμέρας ὅσον ἀναλαβεῖν ἑαυτοὺς διατρέψαντες, ὡς πρὸς τὸ Μαυρόκαστρον χωρεῖν ἠπειγόμεθα.

προσέμεν κατὰ πέλαγος ἱππασάμενοι proxime accessimus, per aequos equitantes. Васильевскій: «мы подошли ближе и конные вступили на

1) leg. προσήμεν.

рѣку». Миѣ теперь кажется, что смыслъ этой фразы такой: «мы тронулись впередъ на коняхъ по (водной) глади».

κόρη Βορίωνъ селеніе Боріонъ или Βορίωνъ. На стр. 208/209 Бурачковъ замѣчаетъ слѣдующее:

«Г. Васильевскій желалъ найдти подходящее названіе въ позднѣйшей русской помешклатурѣ поселеній по всему теченію Днѣпра, начиная отъ Кіева до лимана, и остановился на Бургунѣ вблизи Херсона, тогда какъ . . . имя Боріона или Βορίона должно имѣть связь съ однимъ изъ пороговъ. По гречески Βορός значитъ прожорливый, ненасытный, — отсюда и произошло названіе селенія Βορίωνъ — отъ Ненасытцакаго порога. Отголосокъ греческаго названія сохранился по сю пору въ слѣдующей за Ненасытцакимъ порогомъ Вороновой заборѣ и р. Вороной . . . Для окончательнаго рѣшенія этого вопроса мы позволяемъ себѣ указать этимологамъ на церковно-славянское слово вора, означающее преграду . . . Такимъ образомъ, названіе Вороповой заборы указывало бы на древность своего происхожденія и на связь съ древне-угорскимъ Woga».

Не мѣшало бы вспомнить здѣсь о названіяхъ Днѣпра: Борисоенъ, Варъ (Иордания) и Варухъ (Константинъ Б.). Ср. Ворогалмать у того же К. Б.

У Звонецкаго порога, гдѣ русло рѣки сильно суживается, я полагаю переправу топарха и ставлю въ связь его селеніе Боріонъ съ рѣкою Вороной, лѣвымъ притокомъ Днѣпра, впадающимъ въ него южнѣе Звонецкаго порога противъ острововъ Козлова и Ткачева. Чтобы удостовѣриться въ томъ, существуютъ ли въ этомъ мѣстѣ необходимыя условія для болѣе или менѣе удобной переправы, я навелъ справки у Инспектора судоходства по Днѣпру и получилъ указаннымъ выше письмомъ отъ 19/ХІІ 1902 г. въ отвѣтъ: «Переправа черезъ Днѣпръ ниже Звонецкаго порога, выше Тягинской заборы и острова Козлова возможна во всякое время года — зимою по льду, такъ какъ эти мѣста почти до самаго дна забиты льдомъ, а по вскрытіи рѣки до самаго ея замерзанія на лодкахъ и дубахъ (большія лодки) при опытныхъ рулевыхъ изъ мѣстныхъ жителей; во время сильнаго ледохода переправа временно прекращается».

Относительно произношенія слова Βορίωνъ Куникъ (Записка Готскаго Топарха, стр. 125/126) говоритъ: «Селеніе на лѣвомъ берегу Днѣпра называлось ли Βορίонъ, или Βορίонъ, рѣшить невозможно. Встрѣчается у древнихъ писателей форма τὸ Βόρειον (Pape's WB der

griechischen Eigennamen. 3-te Aufl.). Достоинно замѣчанія, что у Плинія одно изъ сѣверныхъ устьевъ Дуная называется Βορίωντομα. Достовернымъ можетъ считаться только то, что Βορίων находился у пороговъ Дибиря. Вопросъ, на какомъ именно берегу: на лѣвомъ или правомъ, лежало селеніе, будетъ разбираться ниже.

ἴππων. . . . καταπεποιημένων ὡς πλείστον jumenta. . . . ex majori parte defecerant. Передача ὡς πλείστον словами ex majori parte врядъ ли вѣрна.

Κάκει ἡμέρας ὅσον ἀναλαβεῖν ἑαυτοὺς διατρέψαντες confectis ibi diebus aliquot necessariis ad vires reparandas. Къ ἡμέρας, поставленному, по мнѣнію Газе, въ внимательномъ надеждѣ множ. ч., онъ мысленно прибавляетъ ἑνίας или τινάς (Курць). Но не правильнѣе ли считать ἡμέρας за родительный надеждѣ единств. числа въ зависимости отъ ὅσον? Такого мнѣнія держатся Васильевскій и Курць. Но въ этомъ случаѣ слѣдовало ожидать τῆς ἡμέρας ὅσον, ибо рѣчь идетъ объ определенномъ днѣ. Вопросъ рѣшается, по моему мнѣнію, соображеніемъ, что полное изнеможеніе лошадей требовало остановки въ нѣсколько дней для возстановленія ихъ силъ.

ἡπεργόμεθα ασσινεβαμυς. Васильевскій слѣдуетъ Газе; но по Курцу переводъ у Газе неточенъ. И дѣйствительно ἐπέγω значитъ давить, толкать, гнать; ἐπέγομαι — толкаться, спѣшить, торопиться; prope, maturo. Слѣдовательно: мы спѣшили или торопились отправиться на Маврокастронъ. Васильевскій: «Мы стали собираться въ путь, чтобы идти по направленію къ Маврокастроу». «Авторъ хотѣлъ — поясняетъ В. далѣе — только обозначить направленіе пути, а не ближайшій пунктъ, котораго можно было достигнуть. На это указываетъ какъ самое построеніе фразы, такъ и дѣлѣйшій ходъ разсказа. Послѣ оказывается, что до Маврокастрога вовсе было не такъ близко». Положеніе Маврокастрога (т. е. Чернаго города) и мѣсто жительства топарха будетъ разсматриваться ниже въ связи съ вопросомъ о томъ, на какомъ берегу Дибиря находилось селеніе Βορίωνъ.

§ 2. Ὡς δ' ἔτοιμα ἦν ἡμῖν τότε πάντα, καὶ ἐμποδῶν ὑπῆρχεν οὐδέν, περὶ μέσας νύκτας αὐτάς (ὅτε καὶ πρωϊαίτερον ἡμᾶς ἐξορμηθεὶς ἐγρήν), ἄρκτου τότε βαρύτατον πνεύσαντος, καὶ χειμῶνος παντός μᾶλλον χαλεπωτάτου καταρράγέντος, ὡς ἀβάτους μὲν τὰς διόδους οἰεσθαι, μηδὲνα δὲ ὑπαίθριον ζῆν, σχεδὸν δὲ ἀδύνατον εἶναι τὸν μὴ στέγη σφζόμενον περιεῖναι, δεῖσαντες ἀναπεπαῦσθαι καὶ ἡρεμεῖν ἐγνωμεν αὐτοῦ.

ὅτε καὶ πρωϊαίτερον ἡμᾶς ἐξορμῆσαι ἐχρῆν quamquam maturius profectum oportebat. Васильевскій: «тогда какъ намъ слѣдовало пуститься въ дорогу ранѣе того». См. еще его поясненіе на стр. 380: «караванъ хотѣлъ пуститься въ дальнѣйшій путь ранѣе полуночи, вечеромъ (πρωϊαίτερον)». Курцъ сомнѣвается въ правильности этого толкованія и желалъ бы πρωϊαίτερον передать словами: «довольно рано утромъ». πρωϊαίτερον имѣеть, казалось мнѣ, отношеніе къ предыдущему выраженію περί μέσας νύκτας, такъ что Васильевскій, въ виду существующаго оборота ρῆσι πρωίτερον (πρωϊαίτερον) μέσων νυκτῶν «еще до полуночи», можетъ быть, правъ, и слѣдуетъ понимать дѣло въ томъ смыслѣ, что путешественники «еще раньше», т. е. до полуночи, возымѣли желаніе двинуться дальше, но отложили свое намѣреніе вслѣдствіе предостереженія своего начальника, который предвѣщалъ наступленіе бури. Но теперь считаю мнѣніе Курца единственно правильнымъ и перевожу πρωϊαίτερον пораньше, раннимъ утромъ, раньше обыкновеннаго. Вечеромъ все было уже приготовлено (упаковано), чтобы на слѣдующій день по возможности раньше отправиться въ путь-дорогу.

§ 3. Ἐμοῦ τοῦτο τοῖς συσσίτοις εἰπόντος, ὡς οὐ δεῖ τῆς οἰκίας ὀπισθοῦν ἐξέλαι, οὐδὲ ἀποχοίτους ἡμᾶς ἐνδένδε γενέσθαι¹⁾ τοῦ πρώτου τῶν ἄστρον ἐσπέριον φάσιν ἤδη ποιούντος, καὶ πρὸς²⁾ αὐτὸν ἐκεῖνον μετατρεπομένου τοῦ περιέχοντος³⁾ (Κρόνου δὴ καλουμένου⁴⁾). Καὶ γὰρ ἔτυχε περὶ τὰς ἀρχὰς αὐτὸς διῶν ὑδροχόου, ἡλίου κατὰ τὰ χειμερινὰ διατρέχοντος.

Ἐμοῦ τοῦτο τοῖς συσσίτοις εἰπόντος. Σύσσιτος convivina означаетъ, по Васильевскому, просто сотрапезника. «Ши Дюканжъ ии Софоклъ (Greek Lexicon of the Roman and Byzantine periods. Boston 1870) не приводятъ σύσσιτος въ смыслѣ спутника или товарища» (Куникъ, о Запискѣ Готскаго Топ. 127). Но Успенскій (Отчетъ) толкуеть σύσσιτος въ смыслѣ спутника или сотоварища. Такое толкованіе и мнѣ теперь кажется самымъ подходящимъ и потому я предложилъ бы, слѣдуя Успенскому, перевести σύσσιτος черезъ «однопашникъ».

καὶ ὡς ἐκ τῶν ἄστρον ἐμοὶ δέδεικται. Васильевскій переводитъ это мѣсто въ своемъ текстѣ такъ: «и что мнѣ по звѣздамъ показалось», а

1) Ante verba τοῦ πρώτου legebatur καὶ ὡς ἐκ τῶν ἄστρον ἐμοὶ δέδεικται.

2) post καὶ πρὸς illa, τὴν ἐαυτοῦ φύσιν.

3) post περιέχοντος illa, φύσει ψυχρότατος καὶ χιωνώδης (sic) δοκῶν. Quae omnia ab ipso scriptore inducta sunt.

4) verba κρόνου δὴ καλουμένου videntur loco mota.

въ комментарий (стр. 380 и 381): «и какъ мѣѣ по звѣздамъ показалось». Газе, къ сожалѣнію, опускаетъ въ своемъ латинскомъ переводѣ какъ это предложеніе, такъ и вообще всѣ остальные замечанутыя авторомъ фразы.

ἐσπέριον φάσιν ἤδη ποιοῦντος. φάσιν ποίεω = φαίνομαι, подобно тому какъ οἰχῆσιν ποίεω стоитъ вмѣсто οἰχέω (2. отрывокъ 2 гл. § 6). Газе: quod princeps sidus. . . jam ad vesperum in conspectum se dabat; Васильевскій напрасно уклонился отъ такого толкованія и переводитъ: «тогда какъ первая изъ звѣздъ была уже въ вечернемъ фазисѣ». Что Васильевскій разумѣетъ подъ «вечернимъ фазисомъ», понять невозможно. Интересно, что Вамвакисъ, константинопольскій грекъ, состоящій доцентомъ въ С.-Петербургѣ при Восточномъ Институтѣ, перевелъ это мѣсто, не задумываясь, точно такъ какъ оно гласитъ у Газе. Филологи, въ томъ числѣ и Курцъ, къ которымъ я обращался за совѣтомъ, выразили полное свое согласіе съ толкованіемъ Газе и Вамвакиса. Тонархъ совершаетъ свое наблюденіе наканунѣ дня предполагавшагося отъѣзда, «когда первая изъ звѣздъ уже совершала свой вечерній (западный) фазисъ», т. е., когда первая изъ звѣздъ уже видна была на западѣ (на вечернемъ небосклонѣ), словомъ была близка къ закату. Наблюденіе свое авторъ Записки сдѣлалъ вечеромъ, ибо около полуночи поднялась сильная вьюга, окутавшая небо въ непропускаемую мглу.

Успенскій (Отчетъ) не даетъ отъ себя объясненія этому мѣсту, а только замѣчаетъ съ цѣлью подорвать довѣріе къ нашему переводу: «Что (повоградскъ) Вамвакисъ переводитъ то или иное мѣсто такъ, какъ желательно автору, — это мало кого можетъ убѣдить». Успенскій при этомъ забываетъ, что филологи, въ томъ числѣ и извѣстный византиистъ Курцъ, одобрили толкованіе Вамвакиса, которое кромѣ того сходится съ латинскимъ переводомъ Газе. И потому слова Успенскаго: «Мы могли бы привести много доказательствъ тому, какъ новыя греки часто не понимаютъ древняго языка и плохо объясняютъ его», не примѣнимы къ данному случаю.

Καὶ γὰρ ἔτιυχε περὶ τὰς ἀρχὰς αὐτὸς διὰ τὸν ὕδροχόου. Transibat enim tunc Saturnus circa initia aquarii. Васильевскій: «Ибо она (звѣзда) именно тогда проходила около началъ Водолея». Вамвакисъ перевелъ, недолго соображая: «Ибо онъ (Сатурнъ) находился тогда какъ разъ въ началѣ своего пути (своего прохожденія) черезъ Водолея», — съ чѣмъ Курцъ вполне согласился. Замѣчаю напередъ, что подобное

толкованіе текста, съ точки зрѣнія астрономической, весьма удачное, между тѣмъ какъ обычный переводъ сбивчивъ и легко можетъ ввести въ заблужденіе, какъ это видно на примѣрѣ съ Зейдлеромъ. Само собою разумѣется, что подъ Водолеемъ слѣдуетъ разумѣть созвѣздіе, а не знакъ Водолея.

ἤλιου κατὰ τὰ χειμερινὰ διατρέχοντος. Это—астрономическая зима, т. е. время отъ зимняго солнцестоянія до весенняго равноденствія, что прекрасно подходитъ къ выясненному нами времени наблюденія. Это обстоятельство не должно быть упущено изъ виду при изслѣдованіи всего довольно сложнаго мѣста. Текстъ нерѣдко запутанъ, потому что мы имѣемъ дѣло съ черновой, съ первымъ наброскомъ автора. А упомянутое мѣсто въ особенности богато вставками и по-марками.

Κρόνου δὴ καλούμενου. Это предложеніе, замѣчаетъ Васильевскій, очутилось не на своемъ мѣстѣ вслѣдствіе поправокъ въ текстѣ; ему слѣдовало стоять послѣ словъ *τοῦ πρώτου τῶν ἄστρον.* «Кронъ или Сатурнъ, поясняетъ далѣе Васильевскій, есть именно первая изъ подвижныхъ звѣздъ по обычному порядку перечисленія ихъ у древнихъ и средневѣковыхъ астрономическихъ писателей, и при томъ звѣзда холодная по природѣ». Отъ своего страннаго блеска планета получила названіе «холодной и снѣжной».

Почему авторъ зачеркнулъ слова *καὶ ὡς ἐκ τῶν ἄστρον ἐμοὶ δεδεικται*, къ которымъ я отношу слѣдующее предложеніе *τοῦ πρώτου τῶν ἄστρον ἐσπέριον φάσιν ἤδη ποιούντος?* Быть можетъ, по той причинѣ, что онъ свое предсказаніе основывалъ именно на наблюденіи надъ Сатурномъ, а не на положеніи звѣздъ вообще, и потому счелъ означенную фразу излишней. Но въ такомъ случаѣ онъ забылъ измѣнить конструкторію предложенія *τοῦ πρώτου τῶν ἄστρον* etc., висящаго теперь какъ бы въ воздухѣ. Если же его связывать съ фразою *ἐμοῦ τοῦτο τοῖς συσσίτοις εἰπόντος*, то тогда неуклюжее *τοῦτο* указывало бы на предшествующее рѣшеніе *ἀναπεπαύσθαι καὶ ἡρεμεῖν αὐτοῦ.* Итакъ, около полуночи постановлено было отложить дальнѣйшее путешествіе и остаться на мѣстѣ, между тѣмъ какъ топархъ это (уже тогда) являлъ своимъ спутникамъ, чтобы они не покидали кровь своей и т. д., когда первая изъ звѣздъ уже клонилась къ горизонту и состояніе воздуха, сообразно съ природою звѣзды, стало измѣняться. Значить, уже задолго до полуночи наступило ухудшеніе погоды, которое въ связи съ положеніемъ Сатурна предвѣщало снѣжную бурю.

§ 4. Ὁ μὲν οὖν χειμῶν ἀρξάμενος αἰεὶ προὔβαινε χαλεπιότερος, καὶ ξυνέβη τὰ πρότερον ἡμῖν δόξαντα φοβερὰ παιδιαὶ καθάπαξ πρὸς τὰ μετὰ ταῦτα δοκεῖν οὕτως ἀρα λαμπρῶς ὁ χειμῶν διέσχε πανταχῆ. Ἡμέρας δὲ διατρίψαντες ἱκανάς, μόλις ὄψε ποτε καὶ τῆς πρὸς τὰ οἰκεῖα μνήμη τις ἐπανόδου εἰσῆει, εὐδαιμονότερου καὶ τοῦ περιέχοντος δεδειγμένου.

τῆς πρὸς τὰ οἰκεῖα μνήμη τις ἐπανόδου мысль о возвращеніи во свояси. Слѣдовательно, тонархъ находился на возвратномъ пути на родину. Объ это положительное заявленіе автора разбиваются всѣ сомнѣнія. Передъ нами — либо посольство, либо торговый караванъ. Но такъ какъ мы изъ 2. и 3. отрывковъ убѣждаемся въ томъ, что авторъ путевого очерка не купецъ, а областной начальникъ, то мы имѣемъ, значитъ, дѣло съ посольствомъ съ нашимъ фрагментистомъ во главѣ. Вопросъ о томъ, гдѣ собственно была родина тонарха, мы пока оставимъ въ сторонѣ. Желая здѣсь только напоминть читателямъ, что ее не слѣдуетъ искать ни на Дунаѣ, ни на Диѣврѣ, ни на Дону.

εὐδαιμονότερου καὶ τοῦ περιέχοντος. Погода улучшилась лишь въ томъ отношеніи, что перестала падать снѣгъ, между тѣмъ какъ вѣтры продолжали бушевать. См. 1. отрывокъ 3 главы § 3.

3 ΓΛΑΦΑ.

§ 1. Καὶ δὴ ἐξήκειμεν ¹⁾ δορυφορούμενοι παρὰ τῶν ἐγχωρίων διαφανῶς, πάντων εἰς ἐμὲ τὰς χεῖρας ἀνακροτούντων, καὶ βλεπόντων ὡς πρὸς οἰκεῖον αὐτοῦ ἕκαστος ²⁾, καὶ τὰ μέγιστα εὐχόμενων.

Τότε μὲν οὖν οὐδὲ πάντας αὐτοὺς ἐβδομήκοντα σταδίους παρημεψάμεν, καὶ ταῦτα πρὸ ἡμῶν ἄλλων διαβεβηκότων καὶ τὸ πολὺ τῆς χιῶνος ³⁾ ἐκχρουσαμένων.

παρὰ τῶν ἐγχωρίων. Туземцы были безъ сомнѣнія жители селенія Боріонъ.

ἀνακροτούντων. Отсюда Васильевскій выводитъ греческую національность туземцевъ, отказывая славянамъ и другимъ народамъ въ такомъ естественномъ выраженіи радостнаго настроенія. Васильевскій забываетъ, что патриархъ Фотій упоминаетъ о рукоплесканіи руссовъ.

1) ἐξήκειμεν Cod.

2) Sic Cod.

3) I.e.g. χιῶνος.

Аргументъ В. въ пользу греческой народности жителей Боріона ничтоженъ. Противъ него возстаютъ по справедливости также Бурачковъ на стр. 214 прим. 1 и Голубовскій на стр. 204 прим. 1. Причина, по которой жители Боріона рукоплескали топарху и каждый на него глядѣлъ какъ на близкаго себѣ и напутствовалъ наилучшими пожеланіями, быть можетъ совершенно иная, чѣмъ указывается Васильевскимъ. Положеніе Боріона у дѣбировскихъ пороговъ и обстоятельство, что топархъ миновалъ это селеніе на возвратномъ пути, веднемъ далѣе черезъ непріятельскую землю (см. ниже), невольно наводятъ на мысль, что Боріонъ былъ пограничнымъ мѣстомъ, принадлежавшимъ тому государю, къ которому было направлено посольство. Такое соображеніе объясняетъ вполнѣ удовлетворительно ласковый пріемъ путешественниковъ со стороны туземцевъ.

Путь топарха лежалъ на югъ. Какое государство расположено на сѣверъ отъ дѣбировскихъ пороговъ? Великое княжество Кіевское. Это заставляетъ предполагать, что топархъ возвращался со своею свитою изъ путешествія къ великому князю кіевскому, владѣнія котораго очевидно доходили до порожистой части Дѣбры.

ἑβδομήκοντα σταδίους 70 стадій, что составляетъ около 12 верстъ.

ἄλλων διαβερηχότων. Принадлежали ли «другіе», прошедшіе впереди, къ населенію Боріона, рѣшить нельзя.

τὸ πολὺ τῆς χιόνος ἐκχρουταμένων. Васильевскій: «расчистили, гдѣ было много снѣга». При такомъ переводѣ возникаетъ однако представленіе, будто здѣсь идетъ рѣчь о преднамѣренномъ проложеніи пути, а между тѣмъ авторъ хочетъ только сказать, что люди, прошедшіе впереди его каравана, протоптали дорогу въ снѣгу, устранивъ такимъ образомъ главную массу его. Ср. Газе: *idque praegressis ante nos aliis, qui maximam vim nivis jam dimoverant.*

§ 2. Τῇ δ' ὑστεραία ἀρξάμενοι χαλεπώτατα προήμεμεν, ὡς περ ἐπὶ πελάγους διαπαλαίοντες κατὰ τῆς χιόνος¹⁾. Οὐ γάρ δι' ἡ γῆ τις ἐδόκει εἶναι, οὐδὲ χιὼν συνήθης· ἀλλ' οἱ μὲν ἔπποι μέχρις τραχήλων οὐχ ἐωρῶντο· τὰ δ' ὑποζύγια, καί περ τελευταία ἀκολοθοῦντα ἡμῖν, διεφθείρετο, καὶ αὐτοῦ πολλὰ καταλέλειπτο. Τετράπηχυς γάρ ἡ χιὼν ἐλέγετο, καὶ χαλεπῶς διαβατὴ ἦν. Πολλοὶ δὲ καὶ τῶν ἀκολούθων ἀφώρμησαν οἰκαδε, μείζον ἢ κατ' ἀνθρωπίνην δύναμιν τὸ ξυμβάν αἰθθέντες.

На слѣдующій день путешествіе было сопряжено съ еще болъ-

1) Leg. χιόνος.

шими затрудненіями, такъ что путники прошли вѣроятно еще меньше 12 верстъ.

ὡσπερ ἐπὶ πελάγους διαπαλαίοντες κατὰ τῆς χιόνος. Это уподобленіе поясняется словами: οἱ μὲν ἵπποι μέχρις τραχήλων οὐκ ἑωρῶντο. Подобно тому какъ лошади погружаются по шею въ воду, такъ видѣлись однѣ лишь головы надъ снѣжнымъ моремъ. Все описаніе, включая слова «казалось, что это совсѣмъ не была земля, ни даже обыкновенный снѣгъ», свидѣтельствуеть о томъ, что дорога мѣстами шла по ущельямъ, по оврагамъ (балкамъ). Не даромъ авторъ въ 2 гл. § 3 употребляетъ выраженіе *δίωδος*.

Πολλοὶ δὲ καὶ τῶν ἀκολούθων . . . Проводники были очевидно люди изъ селенія Βορίονα.

§ 3. Καὶ ἦν γάρ τι τῶν οὐ ξυντρόφων τὸ χαλεπὸν, πολλαχόθεν τῶν δυσχερῶν ἐπιόντων· χιῶνος¹⁾ μὲν βαθείας οὕτω καὶ πυκνῆς κάτωθεν, ἀέριον δὲ βαρυτάτων ἄνωθεν ἐμπνέοντων. Ἀνακωχῆς δ' οὐδαμῶθεν προσδοκίμενης, οὐδ' ὄθεν τις ἄμεινα σχοίη τεχμαιρομένης (τὰ γὰρ πάντα ἀνωφελῆ καὶ ἀνόνητά πως ἐν τοῖς τότε δεινοῖς ἐδέδεικτο), οὐκ ἦν πυρὰ καῦσαι, οὐδ' ἀναπαύσασθαι πρὸς ἀκαρῆ χώραν²⁾ ἡμῖν ἢ χιῶν ἐνεδίδου.

Ἀνακωχῆς δ' οὐδαμῶθεν и т. д. Газе переводитъ: *Neque ulla sperari poterat malorum intercapedo, nec unde quis meliorem statum assequeretur*. Васильевскій же сокращаетъ оба предложенія въ одно: «И ни откуда не ожидалось какой-либо переменны къ лучшему».

πρὸς ἀκαρῆ χώραν (χρόνον). «Выраженіе встрѣчается у Агапіа: ἐν ἀκαρεῖ χρόνου (pag. 322), у Льва Діакона: ἐν ἀκαρεῖ (pag. 68)» (Васильевскій).

4 ГЛАВА.

§ 1. Εὔναι δὲ τὴν νύκτα αἱ ἀσπίδες προσήεσαν³⁾· πάντα ἡμῖν ἐκεῖναι καὶ κλῖναι καὶ ἐπικλίνα νομιζόμεναι τὰ λαμπρότατα. Ἐν γὰρ αὐταῖς τὰ σώματα ἀνεπαύομεν ἐπὶ πυρᾷ, κάκεινῃ οὐ λαμπρᾷ.

Εὔναι δὲ τὴν νύκτα αἱ ἀσπίδες προσήεσαν. Газе: *Accedebant noctu scuta pro cubilibus*. Васильевскій: «Постелями служили намъ ночью щиты». Оба ученые не подмѣтили, что въ текстѣ стоитъ не *εὔναι*, а

1) Leg. χιῶνος.

2) Supra scriptum est χρόνον, idemque postea inductum.

3) Sic Cod. Num προσήεσαν.

безсмысленное εἶναι, которое по Курцу слѣдуетъ исправить либо въ εἶναι, либо въ εἶνοι. Последняя конъектура мнѣ кажется не совсѣмъ удачною: «Ночью благосклонно къ намъ подходили щиты».

§ 2. Ὑπνον¹⁾ δὲ καὶ τὰ ἐξ ὀνείρων φαντάσματα, ὡς περ φοβηθέντα κἀκείνα, πάντα ἀπέστησαν. Ἀντίχε δ' οὐδεὶς ἄλλου κάλλιον²⁾ πάντες δ' ὡς ἐν κοινῇ συμφορᾷ ὁμοίως καὶ ψυχὰς καὶ σώματα διετίθεντο. Ἐμαχάρισέ τις τοὺς τεθνηκότας, ὡς τοῦ φροντίζειν ἅμα καὶ τοῦ πονεῖν ἀποστάντας· ἐσχετλίασεν ἄλλος κατὰ τῶν ἐσομένων, ποίοις ἄρα καὶ αὐτοὶ δεινοῖς τὸ ζῆν ἐκμετρήσουσιν.

И вполне согласенъ съ Васильевскимъ, не признающимъ необходимости поправки Газе (ὑπνον вм. ὑπνος текста) и его перевода глагола ἀπέστησαν черезъ fugerant.

Ἐμαχάρισέ τις τοὺς τεθνηκότας. Васильевскій правъ, указывая на то, что здѣсь говорится объ умершихъ въ общемъ, а не о какихъ-нибудь, скончавшихся дорогою отъ истощенія силъ, товарищахъ топарха,—что вытекаетъ изъ сопоставленія умершихъ съ будущими полководцами (τῶν ἐσομένων).

Стоить отмѣтить объясненіе Успенскимъ (Отчетъ) выраженія κατὰ τῶν ἐσομένων, понимаемаго имъ въ смыслѣ предстоящихъ обстоятельствъ. Подъ αὐτοί онъ разумѣетъ товарищей топарха.

§ 3. Οἱ δὲ πρόσκοποι ἐξέκαμον καὶ αὐτοί, ὑπὸ τοῦ πολλοῦ κακοῦ νικηθέντες, καὶ προίεναι οὐκ ἴσχυον, ἀσαφῶς οὕτω πορευόμενοι κατὰ τῆς χιῶνος³⁾. Τὸ δὲ δὴ χαλεπώτατον, ὅτι καὶ διὰ πολεμίας ἐπορευόμεθα γῆς, καὶ οὐδ' ἐκ τούτου ἀθεᾷ ἡμῖν καθειστήκει τὰ πράγματα, ἀλλ' ἐν ὁμοίῳ τὸ τε τοῦ χειμῶνος καὶ τὸ τῶν πολεμίων ὑφωρᾶτο κακόν.

οἱ πρόσκοποι. Развѣдчики. Не всѣ, видно, изъ тѣхъ людей, которые провожали караванъ, покинули его. Ср. 3 гл. § 2: Πολλοὶ δὲ καὶ τῶν ἀκολουθῶν ἀφώρμησαν οἴκαδε. Успенскій (Отчетъ) объяснить πρόσκοποι и ἀκολουθοῖ въ смыслѣ военнаго термина.

προίεναι οὐκ ἴσχυον, ἀσαφῶς οὕτω πορευόμενοι κατὰ τῆς χιῶνος. Развѣдчики шли, значитъ, пѣшкомъ, и ихъ главная задача состояла, по видимому, въ отыскиваніи занесенной снѣгомъ дороги.

διὰ πολεμίας ἐπορευόμεθα γῆς... καὶ τὸ τῶν πολεμίων ὑφωρᾶτο

1) Ὑπνος Cod.

2) Sic scripta erant haec non absoluta: ἀλλ' οἱ χιῶνες ἔβρωμενέστερον ἔχοντες καὶ ἀκέραιον διακλυόμενοι πρὸς ἄλλήλους, σήμερον ἄμβλεις καὶ κηκχαπτοκότες,—ea omnia postea inducta sunt.

3) Leg. χιῶνος.

καχόν. Если переправа черезъ Диѳиръ проходила у порожистой его части, а конный караванъ находился на возвратномъ пути къ себѣ на родину, лежавшую во всякомъ случаѣ южнѣе пороговъ, то непріятельская страна по необходимости совпадаетъ съ черноморскою стѣною, а непріятели тождественны съ стѣнными набѣдниками, кочевавшими на сѣверѣ отъ Чернаго и Азовскаго морей. Но къ какому племени принадлежали «непріятели»? Къ уграмъ, чеченѣгамъ, Чернымъ болгарамъ, торкамъ, хазарамъ, гуззамъ? Ежели путешествіе топарха приходится на X столѣтіе, то непріятели по всей вѣроятности были печенѣги.

Противопоставляя рѣдкое гостепрѣимство и дѣятельную поддержку, оказанныя жителями Боріона нашимъ путникамъ, опасности, угрожавшей имъ при переходѣ черезъ стѣнную полосу, мы должны, какъ уже выше было упомянуто, прійти къ заключенію, что путь топарха лежалъ изъ дружеской страны, къ которой слѣдуетъ причислить Боріонъ, на югъ черезъ земли, населенныя враждебными означенному государству ордами. Государство, куда было отправлено посольство, не можетъ быть инымъ какъ только русскимъ. А такъ какъ мы застаемъ топарха на возвратномъ пути у диѳировскихъ пороговъ, то бѣглый взглядъ на направленіе теченія Диѳира убѣдитъ всякаго въ томъ, что караванъ съ праваго его берега переправился на лѣвый, а не наоборотъ. Насколько мнѣ извѣстно, главная дорога отъ Кіева на югъ шла по правому нагорному берегу рѣки. Ср. Константинъ В. de administrando imperio (ed. Bonn. cap. 9, p. 77): *πέραμα τοῦ Κραρίου, ἐν ᾧ διαπερῶσι ἀπὸ Ῥωσίας οἱ Χερσωνῖται καὶ οἱ Π ατῆρινάχῃται ἐπὶ Χερσῶνα.*

Гдѣ лежалъ Маврокастроиъ?

Васильевскій, направляющій топарха ошибочно отъ низовьевъ Диѳира на западъ, видитъ въ Маврокастроиѣ преддиѳетровекій городъ Аккерманъ. Его доказательство слѣдующее: Въ средніе вѣка, утверждаетъ онъ, существовалъ при Диѳетрѣ городъ по имени Маврокастроиъ, и при этомъ онъ указываетъ на италянскія карты XIII и XIV столѣтій, на которыхъ отмѣчены Maurocastro, Mancastro, Maucastro, Maocastro. Несмотря на то, что въ «спискѣ градомъ русскимъ» приводится на устьѣ названнаго у Константина В. «Бѣлою» рѣкою Диѳистра «Бѣлгородъ», различимый отъ «Черни», и хотя Бѣлгородъ

именуется венграми Fejer-var, молдаванами Tschetate Alba, татарами Ак-керманъ, — тѣмъ не менѣе Васильевскій отождествляетъ Маврокастронъ топарха съ Maurocastro, Mancastro, Maocastro италянскихъ картъ, ссылаясь на свидѣтельство Guillebert de Lannoy: une ville fermée et port sur la ditte mer Majour (Pontus) nommée Mancastre ou Bellegard. Но Васильевскій обязанъ былъ прежде всего доказать, что 1) Mancastro, Маïcastro, Maocastro искажено изъ Maurocastro и что Maurocastro не возникло, наоборотъ, изъ Ман-, Мао-, Маï-, castro; 2) что городъ Чернь, совпадающій очевидно съ Очаковымъ, называющимся у турокъ Кага-Керман (Черная крѣпость), лежалъ на Дибстрѣ, подлѣ Бѣлгорода, и 3) что его Маврокастронъ уже существовалъ въ X вѣкѣ. Показаніе Герберштейна, что нѣсколько лѣтъ тому назадъ турки овладѣли крѣпостью «Alba» на Дибстрѣ, называемою также Moncastro, на ряду со свидѣтельствомъ Варбара (подъ 1436 г.) о Moncastro на Черномъ морѣ, ускользнуло совершенно отъ вниманія Васильевского. Не есть ли Maurocastro нѣкоторыхъ италянскихъ картъ, соотвѣтствующее писанію Mancastre (Guillebert de Lannoy) и Mancastro (Герберштейнъ и Варбара), лишь ошибочное чтеніе, возникшее отъ небрежности переписчиковъ?

Кромѣ Васильевского также Томашекъ на стр. 37 вступаетъ за Аккерманъ: «Для насъ нѣтъ никакого сомнѣнія, что византійцы X столѣтія подлѣ *Μαυρόκαστρον* разумѣли крѣпость, расположенную у теперешняго Аг-Керманъ на дибстровскомъ лиманѣ (виз. *Ἀστρόκαστρον* или *Λευκοπόλις*, польск. Bialo-grod); средневѣковыя италянскія карты (напр. у Petro Vesconte 1318) отмѣчаютъ Maurocastro, Morocastro, M'castro или Moncastro». Мнѣніе Томашека касательно мѣстонахожденія Маврокастроны совсѣмъ не вижется съ его предположеніемъ о Таврическомъ полуостровѣ, какъ родинѣ топарха. Последній, какъ извѣстно, находился на возвратномъ пути; поэтому онъ не могъ по дорогѣ отъ Дибира въ Крымъ встрѣтить городъ, лежавшій на Дибстрѣ.

Бурячковъ вполне правъ, опровергая (на стр. 209 сл.) доводы Васильевского. Васильевскій основываетъ свое утвержденіе, говоритъ онъ, на средневѣковыхъ картахъ, но упускаетъ изъ виду, что онѣ не подходятъ къ событіямъ, происходившимъ, по его мнѣнію, еще во времена Святослава. Ни одинъ писатель этой эпохи не упоминаетъ о Черной крѣпости на лиманѣ Дибистра; Константинъ Б., напротивъ, свидѣтельствуетъ о томъ, что одинъ изъ шести разрушенныхъ город-

ковъ, расположенныхъ на Дибстрѣ, носилъ названіе «Бѣлаго». Такое обозначеніе находится въ связи съ природою мѣстности, ибо вода дибстровскаго лимана («Бѣлая» рѣка) кажется бѣлою. Поэтому то и въ русскихъ лѣтописяхъ дибстровскій городъ выступаетъ подъ именемъ «Бѣлгородъ» и постоянно отличается отъ позднѣйшаго селенія Чернь, т. е. Чернаго города. Первые сношенія генуэзцевъ съ Молдавіею начались въ 1316 году и къ тому времени Бѣлгородъ называется у италіанцевъ *Mancastro*, а на картѣ отъ 1318 года онъ отмѣченъ подъ именемъ *Maurocastro*. При этомъ Бурачковъ указываетъ на *Heyd, Colon. ital. in Oriente, Venezia 1868, vol. 2, p. 92, 97* и также на Абульфеду, въ географіи котораго Бѣлгородъ является въ 1323 году подъ названіемъ *Acđja-Kerman* [читай *Accha-Kerman*]. «Если бы, продолжаетъ Бурачковъ, между Маврокастрономъ и городомъ Чернь на Дибстрѣ была дѣйствительно связь, тогда имя города оставалось бы неизмѣннымъ; но на позднѣйшихъ италіанскихъ картахъ онъ названъ у Пичигани въ 1367 году опять *Mancastro*, а у другихъ—*Maucastro* и *Moncastro*, слѣдовательно, нельзя предположить, чтобъ италіанское *Maurocastro* отвѣчало русскому городу Чернь. Тѣмъ менѣе мы находимъ основанія къ отождествленію топархова Маврокастропа съ Аккерманомъ потому только, что у Висконти показанъ, неизвѣстно почему, *Mauro-castro*. По всей вѣроятности, италіанцы перевели монгольское *Mankermen*, что значитъ Хвалимая крѣпость, и сдѣлали изъ нея *Mauro-castro*, подобно тому, какъ изъ Константинова *Νεχρο-πόλις* они сдѣлали *Nigropoli* и подали поводъ почтенному академику Кунику сказать здѣсь Маврокастропъ». Ср. также Бруна (Записки Имп. Ак. II. томъ 24, стр. 30): «Изъ описанія его (топарха) пути можно смѣло заключить, что приведенная крѣпость не могла быть Аккерманъ, хотя онъ въ древнѣйшихъ италіанскихъ картахъ также называется *mauro castron, m'castro... moncastre, mancastre*. Столь же мало какъ Аккерманъ нашъ путешественникъ подъ своимъ Маврокастропомъ могъ разумѣть Очаковъ, названный татаряи Каракерманъ, т. е. Чернымъ городомъ».

Въ «Галиидо и Черноморская Русь» (стр. 346 прим. 3) Куникъ высказывается тоже противъ мнѣнія Васильевскаго, оспариваемаго, «кажется, не безъ основанія» Бурачковымъ и Бруномъ. Въ своей же «Запискѣ Готскаго Топарха» (стр. 126—27) Куникъ приводитъ по поводу Маврокастропа слѣдующее: «По греческому происхожденію имени трудно предпологать, чтобы Маврокастропъ находился далеко во-

внутри страны; скорѣе долженъ бы онъ быть на какомъ-нибудь заливѣ, или вообще въ мѣстѣ, удобномъ для приставапія судовъ. Названій въ родѣ Черной воды (рѣки) или Чернаго града на Понтѣ было много. Сначала я думалъ, что можно будетъ отыскать мѣстоположеніе Маврокастропа съ помощью средневѣковыхъ итальянскихъ картъ. На нихъ обозначается *gulfso de Nigropoli*, подъ которымъ онъ очевидно разумѣютъ Перекопскій заливъ. Поэтому, я и думалъ, не есть ли Нигрополи итальянскій переводъ Маврокастропа, съ чѣмъ г. Ламбинъ согласился безъ всякихъ возраженій. Но г. Врунь (30) съ этимъ не согласенъ. Между тѣмъ возможное дѣло, что существовало укрѣпленное мѣсто Нигрополи въ сосѣдствѣ Перекопа. Голландецъ Исаакъ Масса, проживавшій въ Москвѣ до Лжедмитрія и послѣ него, на приписываемыхъ ему картахъ показываетъ кромѣ залива Нигрополи (*Golfo di Nigropoli*) и на сѣверъ отъ него замокъ или крѣпость Нигрополи... Нельзя не упомянуть еще о томъ, что императоръ Константинъ Багрянородный (*de adm. imp. sar. 42*) упоминаетъ о большомъ заливѣ, который онъ называетъ Некрополь (*de adm. imp. sar. 42: κῶλιπος μέγας ὁ λεγόμενος τὰ Νεκρόπολις*) и который быть можетъ только Перекопскимъ заливомъ. Ужъ не это ли названіе Итальянцы передѣляли на свой ладъ? Вотъ нѣсколько формъ, подъ которыми встрѣчается это наименованіе на картахъ: *gulfso de nigropola*, *golfo de gropila*, *g. de nigropilla*, *g. de nigropoli*, *g. denipoli* и проч..

Обозначеніе залива «Nigropoli» предполагаетъ, если Nigropoli не исковеркано изъ Некропула Константина, существованіе соименнаго города, быть можетъ тожественнаго съ Маврокастропомъ тонарха. Но Nigropoli по всей вѣроятности передѣлано изъ *Νεκρόπολις*, въ виду нѣмнѣшняго наименованія Перекопскаго залива «Мертвымъ моремъ», названіе восходящее, должно быть, ко временамъ византійскаго владычества. Положительно утверждать можно только одно: подобно тому какъ нельзя доказать мѣстонахожденія Маврокастропа вблизи Перекопа, такъ шатко, даже весьма неправдоподобно, отождествленіе Маврокастропа съ Аккерманомъ. Я съ своей стороны напращу на то обстоятельство, что переправа тонарха у днѣпровскихъ пороговъ исключаетъ положеніе Маврокастропа къ западу отъ низовьевъ Днѣпра. Ибо, въ противномъ случаѣ, посольство, возвращаясь сухопутнымъ изъ Россіи, сдѣлало бы очень странный обходъ: сначала шло вдоль рѣки Днѣпра, по низменному луговому берегу, на югостокъ, съ тѣмъ чтобы, перейди рѣку у пороговъ, двинуться на югозападъ по

направленію, образуяющему почти острый уголъ съ предыдущимъ. Что-то крайше певѣбротно.

Принадлежность Боріона къ владѣніямъ великаго Кіевскаго князя, къ которому безъ сомнѣнія былъ откомандированъ топархъ; переправа черезъ Днѣпръ (на возвратномъ пути) въ порожистой его части и именно съ праваго берега на лѣвый; характерное описаніе замерзшей рѣки и путешествія по покрытой глубокимъ снѣгомъ стени, — все это заставляеть насъ, если намъ предоставляется выбирать между побережьемъ Крыма и низовьями Дуная, Днѣпра и Дона, высказаться въ пользу Таврическаго полуострова какъ мѣстожительства нашего автора Записки.

2. Отрывокъ.

1 ГЛАВА.

§ 1. Ἀρχὴν γὰρ δὴ τότε τοῖς βαρβάροις πολεμεῖν ἔγνωμεν¹⁾ ἢ εἰ δέ τι τάληθῆ φάσαι, δείσαντες τὸ μὴ φθῆναι ὑπ' αὐτῶν ἀναιρεθέντες, ἀπέστημεν, καὶ αὐτοῖς τὸ δυνατόν ἀντιτετάχθαι διενόηθημεν, πάντας ὁμοίως λεηλατούντων καὶ διαφθειρομένων ἀπανθρώποτατα, ὡς περ τινα θηρία κατὰ πάντων τὴν ἐρμῆν ἐνδεικνύοντα.

Ἀρχὴν γὰρ δὴ τότε... «Тогда только мы постановили воевать съ варварами». Какія обстоятельства вызвали это рѣшеніе? Ниже во 2 гл. § 3 авторъ ихъ приводитъ: «Съ тѣхъ поръ (т. е. послѣ отъраженія первой опасности, см. 2 гл. § 2) началась безъ предварительнаго объявленія война между нами и варварами, при чемъ они уже не вступали съ нами въ сношенія, хотя я тысячи разъ посылалъ къ нимъ предложенія о заключеніи договора, и уже между нами дѣло не обходилось безъ оружія». Сюда непосредственно приыкаютъ слова въ началѣ фрагмента: «Тогда только мы постановили воевать съ варварами». При объясненіи 2 отрывка мы постоянно должны имѣть въ виду, что авторъ часто прерываетъ свой разсказъ вставками, касающимися предшествующихъ событій.

Καὶ διὰ τοῦτο γὰρ καὶ τὰ βόρεια τοῦ Ἰστροῦ. Васильевскій: «Именно ради этого и сѣверные берега Дуная», а въ комментаріи (стр. 384)

1) Scriptum est hic, et posterius inductum: Καὶ διὰ τοῦτο γὰρ καὶ τὰ βόρεια τοῦ Ἰστροῦ.

прибавлено: «или же страны». Въ греческомъ текстѣ стоитъ неопредѣленное выраженіе τὰ βόρεια, что лучше всего передать столь же неопредѣленнымъ словомъ «сѣверъ». Въ то же время указываю на то, что Васильевскій эту зачеркнутую авторомъ фразу помѣщаетъ въ самомъ началѣ 2 фрагмента, тогда какъ по Газе она стоитъ за словомъ ἔγχομεν. За отсутствіемъ конца предложенія нельзя судить о томъ, что собственно авторъ хотѣлъ сказать. Какъ бы ни были заманчивы слова τὰ βόρεια τοῦ Ἰστρου, все-таки слѣдуетъ остерегаться строить на нихъ какія-либо положительныя гипотезы, при шаткости выраженія τὰ βόρεια. Къ сожалѣнію Васильевскій не устоялъ противъ искушенія: «Слова эти (говорить онъ)... указываютъ на мѣсто, гдѣ совершаются событія, непосредственно затѣмъ описываемыя. Мы видимъ изъ нихъ, что... авторъ имѣлъ прежде всего въ своей мысли сѣверъ Дуная, его сѣверные берега или же страны. Нужно думать, что зачеркнутыя слова зачеркнуты только потому, что затрудняли дальнѣйшее построеніе фразы, а не потому, чтобы мысль автора приняла другое направленіе, перескочила отъ Дуная къ сѣвернымъ берегамъ Крыма».

Во «властвующемъ къ сѣверу отъ Дуная» (3 отрывокъ 2 гл. § 6: τὸν κατὰ τὰ βόρεια τοῦ Ἰστρου βασιλεύοντα) Васильевскій не колеблется признать великаго князя кіевскаго. Не означаетъ ли поэтому по аналогіи τὰ βόρεια τοῦ Ἰστρου въ началѣ 2 отрывка просто великое княжество кіевское? Въ такомъ случаѣ, конечно, слова τὰ βόρεια τοῦ Ἰστρου не могутъ быть истолкованы въ смыслѣ театра событій, описанныхъ во 2 и 3 отрывкахъ. Уже Успенскій возставалъ противъ выводовъ Васильевскаго, указывая на то, что зачеркнутая фраза не есть неудачный оборотъ мысли, развиваемой во 2 фрагментѣ, а напротивъ совершенно чужда его содержанію.

Какимъ образомъ авторъ попалъ на мысль обозначить русское государство словами τὰ βόρεια τοῦ Ἰστρου другой вопросъ, на который невозможно дать удовлетворительный отвѣтъ. «Ужъ не хотѣлъ ли онъ поставить себя на географическую точку зрѣнія жителя византійской столицы? По всему складу и тону, въ которыхъ составлена записка, можно догадываться, что она писана для какого-нибудь Грека, жившаго не въ Крыму» (Куникъ). Слѣдуетъ замѣтить, что византійцы называли Истромъ не все теченіе Дуная, но только низовья его. См. Бурячкова стр. 227 съ указаніемъ на Дрипова, Заселеніе Балканскаго полуострова Славянами (стр. 90—93), который въ свою

очередь ссылается на Forbiger III, 325. Какъ бы то ни было, и вполнѣ довольствуюсь выясненіемъ того, что помимо домысла Васильевского возможно еще другое толкованіе выраженія τὰ βόρεια τοῦ Ἰστρου. При этомъ считаю не лишнимъ привести мнѣніе Куника, высказанное имъ въ «Галиида и Черноморская Русь» на стр. 285:

«Если въ 3 отрывкѣ τὰ βόρεια τοῦ Ἰστρου просто означаетъ Русь или Россію, то нѣтъ никакой настоятельной надобности придавать этимъ словамъ или термину во второмъ отрывкѣ другое значеніе. Мнѣ кажется, что здѣсь топархъ хотѣлъ намекнуть на то, что вслѣдствіе или по случаю (διὰ τοῦτο) войны съ варварами произошло избраніе русскаго князя или вмѣшательство его въ дѣла области Климаты. Въ Thes. ling. graec. τὰ βόρεια объясняется: septentrionales partes, у Пассова: die Nordländer. Византійское выраженіе κατὰ τὰ βόρεια то же самое, что in Septentrionalibus у Плинія (Hist. nat. XI, 14) = въ Сѣверныхъ странахъ. Объ употребленіи κατὰ вмѣсто ἐν у Византійцевъ см. Газе въ Предисл. къ Льву Діакону, стр. XX».

Τὰ βόρεια τοῦ Ἰστρου въ началѣ 2 фрагмента можетъ стоять въ связи съ первой поѣздкою топарха къ великому князю (1 фрагментъ). Съ другой стороны мыслимо и то, что авторъ въ этомъ мѣстѣ, какъ и въ другихъ, забѣгаетъ въ ходѣ своего разсказа впередъ и желалъ повѣствовать о второмъ своемъ путешествіи (конецъ 3 отрывка) на «сѣверъ отъ Истра», чтобы передаться подъ покровительство «царствующаго на сѣверъ отъ Истра».

ἀπέστημεν recessimus ab illis. Поповъ: «мы отдѣлились отъ нихъ». Ламбинъ: «отстали отъ нея» (Руси). Васильевскій: «мы отступили» (передъ ними). Переводъ Васильевского, позволятельный въ филологическомъ отношеніи, не удовлетворяетъ историка. Гинлой миръ (2 гл. § 3), во время котораго происходили переговоры, еще не успѣлъ перейти въ открытую войну (2 гл. § 4 и 5). Лишь рѣшеніе порвать окончательно съ варварами повлекло за собою настоящія военныя дѣйствія и наступленіе непріятельскаго отряда.

ἀπέστημεν отъ ἀφίσταμαι стогитъ вдали, отступитъ, отложиться и т. д., выраженіе неясное, и потому слѣдуетъ остерегаться дѣлать какіе-либо опредѣленные выводы. Быть можетъ ἀπέστημεν означаетъ здѣсь просто: «мы отложились». Вся первая глава 2 фрагмента содержитъ пространное объясненіе, обоснованное оправданіе образа дѣйствія автора, причемъ онъ намѣренно, кажется, рисуетъ неспра-

ведливость варваровъ и совершенные ими возмутительные поступки въ самыхъ яркихъ краскахъ. Не лучше ли вм. ἀπέστημεν читать ἐπέστημεν, что значило бы: мы поднялись, мы возстали.

§ 2. Οὐδὲ γὰρ τῶν οἰκειοτάτων φεῖδω τις εἰσῆει αὐτοῖς, οὐδὲ λογισμῶ τιμῇ ἢ κρίσει δίκαιου τὸν φόνον εἰργάσθαι προὔθεντο· ἀλλὰ τὴν Μυσῶν ¹⁾ λείαν καλουμένην θέσθαι τὴν αὐτῶν ²⁾ γῆν κακῶς καὶ ἀσυμφόρως μεμελετήχασαν.

τῶν οἰκειοτάτων. На стр. 116 (Записка Гот. Т.) Куникъ замѣчаетъ, что на древнегреческомъ языкѣ οἰκειότατοι суть принадлежащія къ семейству, домочадцы и затѣмъ въ болѣе обширномъ смыслѣ слова соплеменники, между тѣмъ какъ Васильевскій, на основаніи византійскаго словоупотребленія, приходитъ къ заключенію, что οἰκειότατος есть вообще близкое въ какомъ либо отношеніи лицо и въ данномъ случаѣ означаетъ «самый лучшій или вѣрнѣй союзникъ».

τὴν Μυσῶν λείαν καλουμένην. Нѣкоторые ученые усматривали въ выраженіи Μυσῶν λείαν намекъ на Болгарію (Мисія). Но по Кунику (117) и Васильевскому (387) это древнегреческая уже у Демосоена встрѣчающаяся поговорка (ср. Газе 408), употребляемая Львомъ Діакономъ (VII, 2) и другими византійцами. «Изъ страны сдѣлать добычу Мисянь» значить «разорить въ конецъ страну», «превратить страну въ совершенную пустыню».

τὴν αὐτῶν [ἡμῶν] γῆν [нашу] страну. Уже Куникъ и Васильевскій высказались въ томъ смыслѣ, что авторъ не даромъ написалъ сначала ἡμῶν. Это ἡμῶν, замѣненное словомъ αὐτῶν, указываетъ на то, что авторъ былъ здѣсь у себя дома и что право на эту область было сомнительно или спорно. Страна, видно, находилась въ нѣкоторой зависямости отъ варваровъ. Это ἡμῶν намекаетъ далѣе на то, что опустошенные и еще имѣющія подвергнуться опустошенію области стояли въ политическои связи между собою, или же были населены однимъ и тѣмъ же племенемъ.

§ 3. Ἀνατέτραπτο γὰρ τὸ πρὶν αὐτοῖς ἶσον καὶ δίκαιον· ἔ δὴ περὶ πλείστον τιμῶντες τὸ πρότερον τρέπακά τε τὰ μέγιστα κατωρῶκεσαν, καὶ πόλεις καὶ ἔθνη αὐτεπαγγέλτως προσήεσαν αὐτοῖς.

τὸ... ἶσον καὶ δίκαιον. По Кунику (Зап. Г. Т. 117) тонархъ хотѣлъ, очевидно, выразить римское понятіе *aequum et justum*; а на

1) Μυσῶν Cod.

2) Sic: prius scripserat ἡμῶν, sed id induxit.

стр. 373 (Галиндо) онъ говоритъ: «Древніе Греки еще въ то время, когда Римъ не былъ на высшей степени развитія своей общественной жизни, были проникнуты мыслью, что формально установленное право находится въ рѣзкомъ противорѣчій съ вѣчной идеею о справедливости. Эта мысль породила въ нихъ извѣстную формулу: *ἴσον καὶ δίκαιον...* (369) Тонархъ термину τὸ ἴσον протягиваетъ (въ § 4) слово ἡ ἀμετρία, а другому термину τὸ δίκαιον слово ἡ ἀδικία».

Весьма лестный отзывъ тонарха о прежнемъ образѣ дѣйствія варваровъ указываетъ на нѣкогда могущественный народъ и на болѣе или менѣе благоустроенное государство. Въ особенности обращаютъ на себя вниманіе изслѣдователя слова καὶ πόλεις καὶ ἔθνη αὐτεπαγγέλωτος προσήεσαν αὐτοῖς: «Порода и народы добровольно пригнули къ нимъ». Изъ этого слѣдуетъ, что раньше варвары оказывали дѣятельную поддержку упомянутымъ городамъ и народамъ. Отъ вниманія Куника не ускользнуло, что слово πόλεις стоитъ на первомъ мѣстѣ. Въ § 4 также говорится о значеніи городовъ καὶ πόλεις ὑπηκόους, ἀντὶ τοῦ φεραπέειν καὶ συμφερόντως εὐνομεῖν. Слѣдовательно, авторъ имѣетъ въ виду страну, усѣянную промышленными городами, являющимися естественными центрами сосѣднихъ областей. Это плохо вяжется съ сѣвернымъ болотистымъ берегомъ Дуная и пустынными прпонтійскими степями.

Подъ καὶ πόλεις καὶ ἔθνη авторъ, конечно, прежде всего разумѣетъ свою собственную родину и сосѣднюю землю, которая не смотря на то, что была подвластна варварамъ, опустошалась ими безжалостно (см. выше § 2 и ниже § 4 сл.). Въ § 7 авторъ упоминаетъ о 10 городахъ и 500 селеніяхъ. Итакъ, мы имѣемъ дѣло съ цвѣтущей и густо населенной страной.

§ 4. Νῦν δ' ὡσπερ ἐκ διαμέτρου ἀδικία τούτοις καὶ ἀμετρία κατὰ τῶν ὑπηκόων ζυνέστηκε. καὶ πόλεις ὑπηκόους, ἀντὶ τοῦ φεραπέειν καὶ συμφερόντως εὐνομεῖν, ἀνδραποδίζειν καὶ διαφθείρειν ζυνέθεντο.

ἀδικία... καὶ ἀμετρία κατὰ τῶν ὑπηκόων... πόλεις ὑπηκόους. По справедливому замѣчанію Васильевскаго, эти выраженія сами по себѣ ясны и въ виду дальнѣйшихъ намековъ не нуждаются въ особомъ разъясненіи, такъ какъ изъ слѣдующихъ словъ очевидно, что положеніе этихъ «подданныхъ» (подвластныхъ) занимаетъ нѣчто среднее между самостоятельностью и полнымъ подчиненіемъ.

§ 5. Σχετλιάζοντές τε κατὰ τῶν ἡγεμόνων, καὶ ὡς οὐκ ἀδικοῦσιν βεβαίως δεκνόντες οἱ ἄνθρωποι, οὐδὲν μᾶλλον ἴσχυον τοῦ μὴ τεθνάναι.

τῶν ἡγεμόνων. Куникъ (Зап. Г. Т. 118/119) думаетъ о начальникахъ отдѣльныхъ разбойничьихъ отрядовъ, грабившихъ жителей, а Васильевскій—о господствующемъ народѣ вообще. Мое мнѣніе слѣдующее. Такъ какъ въ § 4 сказано, что «варвары» должны бы были печась о подвластныхъ имъ городахъ и разумно ими управлять, вмѣсто того чтобы ихъ себѣ поработать и уничтожать, —то изъ этого вытекаетъ, что верховная власть надъ ними принадлежала варварамъ; поэтому ἡγεμόνες совпадаютъ повидимому съ посаженными по городамъ начальниками, осправнившимися вѣроятно на «варварскіе» гарнизоны. На этихъ то гегемоновъ (называющихся у тюрковъ тудунами) жаловались, очевидно, жители высшему начальству и старались доказать свою невинность. Этотъ разладъ повлекъ за собою полное порабощеніе подчиненныхъ.

Политическое положеніе подвластной топарху области по отношенію къ варварамъ было, должно быть, иное, ибо мы здѣсь не встречаемъ гегемоновъ. Что зависимость всѣхъ городовъ и племенъ отъ варваровъ была неодинаковая, не только правдоподобно само по себѣ, но и слѣдуетъ изъ 2 отрывка 1 гл. § 2, гдѣ рѣчь идетъ о самыхъ близкихъ (τῶν οἰκειοτάτων) въ противоположность менѣ близкимъ, и объ одинаковомъ образѣ дѣйствія варваровъ относительно всѣхъ безразлично. Область топарха находилась, какъ кажется, въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ варваровъ: они нападаютъ на нее, опустошивъ десять городовъ и пятьсотъ селеній.

ὡς οὐκ ἀδικοῦεν βεβραίως δεκνόντες. Васильевскій: «ясно доказывая, что они неповинны». Газе переводитъ, сдается мнѣ, правильнѣе: *sequere nihil mali commisisse liquido demonstrantes*. βεβραίως едва ли можно передать словомъ «ясно». Жители увѣренно (неуклонно) указывали или выставляли на видъ свою невинность, настаивали на своей невинности, — таковъ, мнѣ кажется, смыслъ этого предложенія.

οὐδὲν μᾶλλον ἰσχυρον τοῦ μὴ τεθνᾶναι nihil amplius proficiebant, quam ut morte non afficerentur. Васильевскій: «добивались только того, чтобы они были оставляемы въ живыхъ». ἰσχύω однако не значить стремиться, стараться, добиваться, а быть сильнымъ, могучимъ, мочь. Поэтому переводъ у Газе и Васильевскаго врядъ ли позволителенъ. Курцъ, которому я слѣдую, переводитъ такъ: «гѣмъ не менѣе не могли избѣжать смерти». Οὐδὲν μᾶλλον отвѣчаетъ латинскому *nihil magis*. Итакъ, жители даже не были въ состояніи спасти одну только жизнь свою. Такой смыслъ прекрасно гармонируетъ со всѣмъ

содержаніемъ разказа: въ § 1 говорится, что варвары избивали всѣхъ самымъ безчеловѣчнымъ образомъ, подобно дикимъ звѣрямъ, проявляющимъ противъ всѣхъ свою ярость; (§ 2) даже наилучшимъ своимъ союзникамъ не давали пощады, а безцѣльно и неразумно, безъ разбора и вниманія къ справедливости, всѣхъ умерщвляли; (§ 7) люди, ни въ чемъ невинные, сдѣлались добычею рукъ и меча; (2 гл. § 1) зараза, уничтожавшая всѣхъ ужаснѣйшимъ образомъ.

По мнѣнію Кулаковскаго, Курцъ дѣйствительно исправилъ здѣсь ошибочный переводъ Васильевскаго (и Газе), съ чѣмъ однако Успенскій не согласенъ, хотя и не приводятъ причинъ своего разногласія.

§ 6. Φορά γάρ τις, ὡς ἔοικεν, οὕτω κακίας συμβέβηκεν, ὡς περικλύζεσθαι τὰ τῶν ἀνθρώπων καὶ φοβερώτατα συγχεῶσθαι δοκεῖν, ὡς ἐκ συμπτώματος ἢ τινος χάσματος παραλογωτάτου καὶ χαλεποῦ.

ὡς περικλύζεσθαι... Васильевскій: «такъ что для человечества казалось наступилъ потопъ, и грозилъ самое страшное разрушеніе». По моему мнѣнію, авторъ собственно не имѣлъ въ виду «потопа», но хотѣлъ только сказать, что несчастіе внезапно разразилось съ такою ужасающею силою, что казалось все рушится, проваливается. Предложеніе καὶ φοβερώτατα συγχεῶσθαι самымъ тѣснымъ образомъ связывается съ предъидущимъ предложеніемъ, между тѣмъ какъ Васильевскій ихъ разграничиваетъ. Сравненіе бѣдствія съ обваломъ и развершейся бездною исключаетъ, мнѣ кажется, представленіе о наводненіи. Переводъ у Газе тоже различенъ отъ перевода у Васильевскаго: *Vis nimirum tanta malorum ingruebat, ut res humanae quasi ruina aut voragine aliqua inopinata ac fatali percussae obrutaeque horrendum in modum viderentur.*

§ 7. Πόλεις μὲν γὰρ πλείους ἢ δέκα ἀνθρώπων ἐξεκονώθησαν, κῶμαι δὲ οὐκ ἐλάττους πεντακοσίων παντελῶς ἐρημώθησαν· καὶ ἀπλῶς, τὰ γείτονα καὶ πλησιόχωρα ἡμῶν ὥσπερ ἐκ χειμῶνος ἐπικλυσθέντα ἐγένοντο, ἀνθρωποὶ τε, ἡδίκηότες μὴδὲν, προβληθέντες ἐπ' ὁμοσίᾳ χειρῶν ἔργον καὶ ξίφους ἐγένοντο.

Προβληθέντες ἐπ' ὁμοσίᾳ. Васильевскій замѣняетъ ὁμοσίᾳ словомъ ὄρκωμοσίᾳ и переводитъ «подъ предлогомъ (нарушенной) клятвы», а у Газе стоятъ *pactis juratis traditi*. Газе, по мнѣнію Васильевскаго, ἐπ' ὁμοσίᾳ понимаетъ «какъ условіе, на которомъ были передаваемы или сдаваемы жители городовъ и сельъ, разоренныхъ варварами». Но не лучше ли понимать *pactis juratis traditi* такъ, что жители «полагались на клятвенные договоры» (съ варварами). Курцъ

желалъ бы вмѣсто ἐπ' ὀμωσίᾳ читать ἐπωμωσίᾳ, въ чемъ случайно сходитя съ Куникомъ (см. ниже), но затрудняется дать удовлетворительный переводъ фразы. Куникъ (Галиндо, стр. 370—372) подробно занимается разборомъ нашего загадочнаго выраженія, но не приходитъ къ положительному результату, хотя подъ конецъ и склоняется ко мнѣнію Васильевскаго, предлагая съ своей стороны такой переводъ: «люди ни въ чемъ не провинившіеся, будучи обвиняемы пзъ-за клятвы, сдѣлались предметомъ (жертвою) рукъ и меча (варваровъ)». Въ виду того, что вѣроятнo очень многимъ, интересующимся Запискою, не будетъ доступнымъ неизданное сочиненіе Куника, считаю полезнымъ привести извлеченіе пзъ разсужденія Куника относительно упомянутаго мѣста:

«Выраженіе προβληθέντες ἐπ' ὀμωσίᾳ навѣрно неточно переведено Газе... Газе, судя по его переводу, или допустилъ (невозможное) употребленіе глагола προβάλλειν съ ἐπί, или принялъ ἐπ' ὀμωσίᾳ за существительное вмѣсто ἐπωμωσία, такъ что собственно слѣдовало бы читать προβληθέντες ἐπωμωσία. Но въ какомъ смыслѣ и какъ понимать такую фразу? Въ древней и средневѣковой письменности не встрѣчаются ни простое ὀμωσία, ни простое новогреческое ὀμωσις (клятва), а между тѣмъ ὀμωσία могло образоваться только изъ ὀμωσις... По сложнымъ ἐξωμωσία, ξυνωμωσία, τὰ ὀρκωμωσία и ἡ ὀρκωμωσία, ὑπωμωσία, ἐπωμωσία, διωμωσία, ἀνωμωσία можно заключить, что простое ὀμωσία уже весьма рано было замѣнено нѣкоторыми изъ только-что приведенныхъ его сложныхъ формъ, а также и простыми ὄρκος и ὄρκιον. Предполагаемое ἐπωμωσία у топарха встрѣчается только разъ у схоластиа Аристофана (Pl. 725); оно, можетъ быть, имѣетъ небольшое значеніе, чѣмъ и встрѣчающееся у Евставіа Солунскаго ἡ ἐπὶ ὀμωσις для объясненія указаннаго мѣста у топарха (см. Stephani Thesaur. graecae linguae, III, 1852)... Не имѣло ли ἐπωμωσία первоначально тоже значеніе, что и ἐπιорχία?... всетаки кажется страннымъ, что Газе, имѣвшій подъ руками автографъ топарха, не сдѣлалъ никакого замѣчанія о двусмысленномъ чтеніи этого спорнаго мѣста; онъ даже, безъ сомнѣнія, нарочно не исправилъ ὀμωσία въ ὀμωσία (ср. новогреч. ὀμωσις)... У Поливіа сказано, что нѣкоторые изъ жителей города Кипсеы рѣшили тайно предать послѣдній полководцу Арату, но ихъ замыселъ былъ открытъ въ тотъ моментъ, когда Аратъ былъ уже предъ стѣнами города, и, бывъ схвачены, немедленно присуждены къ смертной казни (παραχρηῖμα προβληθέντες ἀπέθανον)... Срав-

пывая выше приведенныя слова пзъ Поливіа съ подобными словами у тонарха, невольно приходишь къ заключенію, что послѣдній, въ данномъ случаѣ, подражалъ первому, позволивъ себѣ употребить только болѣе вышнюю или живописную фразу вмѣсто простого ἀπέθανον. Поливій рассказываетъ подробно, почему измѣнники-граждане были немедленно обвинены, осуждены и казнены. У тонарха же причина убійства (несправедливо) обвиненныхъ выражена словами: ἐπ' ὁμωσίᾳ.

ἄνθρωποι τε, ἡδίκηκότες μηδὲν, προβληθέντες ἐπ' ὁμωσίᾳ, χειρὸν ἔργον καὶ ζήφους ἐγένοντο. Этими словами авторъ повторяетъ сказанное имъ уже выше въ § 5: ὡς οὐκ ἀδικοῖεν βεβραίως δεικνύντες οἱ ἄνθρωποι, οὐδὲν μᾶλλον ἴσχυον τοῦ μὴ τεθνάναι. Изъ сопоставленія обѣихъ фразъ убѣждаемся, что трудно поддающееся переводу προβληθέντες ἐπ' ὁμωσίᾳ соотвѣтствуетъ выраженію βεβραίως δεικνύντες (твердо или неуклонно настаивая на своей невинности), обстоятельство, дающее пожалуй ключъ къ уразумѣнію спорнаго мѣста προβληθέντες ἐπ' ὁμωσίᾳ. Жители, заклинавшіе варваровъ въ своей невинности, убывались, защипались клятвою, опирались на клятву, т. е. подтверждали свою невинность клятвенною присягою? Но варвары остались глухи къ этимъ торжественнымъ увѣреніямъ.

2 ГЛАВА.

§ 1. Τὸν δὴ τοιοῦτον ὄλεθρον καὶ κοινῇ πάντας κακῶς διαφθείραντα, καὶ περιελθόντα τοῖς ταλαιπώροις ἡμῶν ἀστυγείτοσι, καὶ πρὸς τὴν ἐμὴν ἀρχὴν τελευταίως ἢ πονηρὰ τύχη προσῆξεν, ὑφωρόμενον μὲν ἐμοὶ καὶ πρότερον, καὶ πολλὴν ποιουμένῳ πρόνοιαν, μὴ ἂν ποτε ἐξαπιναίως ἐμπέσοι, μὴδ' ἐκ τοῦ παραχρῆμα λαθῶν τὰ καθ' ἡμᾶς λυμήναιεν.

ἀρχή означаетъ здѣсь подвластную тонарху область. Переводъ Газе ad praesidium meum врядь ли правленъ (Васильевскій). Ниже въ § 5 стоитъ слово γῆ въ томъ же смыслѣ.

ὑφωρόμενον ἐμοὶ καὶ πρότερον, καὶ πολλὴν ποιουμένῳ πρόνοιαν... Слова «я припмалъ всякія мѣры предосторожности» находится въ связи съ слѣдующимъ параграфомъ.

§ 2. Ὅς δ' ἀφίχτο καθαρῶς ὁ κίνδυνος, καὶ πᾶσιν ἀνωμολόγητο φανερῶς, ὡς τὰ περὶ ψυχῆς νῦν ἡμῖν κινδυνεύεται, τὸ μὲν τότε ὄλεθρον σοφώτατ' ὡς εἶχον ἀπεκρουσάμην, ἐμοῦ καίπερ τὰ ἔσχετα παρὰ μικρὸν κινδυνεύσαντος.

τὸ μὲν τότε ἄλεθρον σφώτατ' ὡς εἶχον ἀπεκρουσάμην. Такъ какъ авторъ говорить σφώτατ' ὡς εἶχον, а не ἀνδρείότατα, то «мы можемъ, по мѣткому замѣчанію Васильевскаго, догадываться, что опасность была отвращена какимъ либо дипломатическимъ способомъ, то-есть, сношеніемъ, переговорами либо съ повелителемъ варваровъ, грозившихъ нападениемъ, либо съ какимъ-либо другимъ народомъ, способнымъ остановить варваровъ или помѣшать имъ». Крайняя опасность, которой подвергался при этомъ топархъ, быть-можетъ указываетъ на описанное въ 1 отрывкѣ путешествіе зимою черезъ непріятельскую страну. Въ такомъ случаѣ заключенный съ великимъ княземъ договоръ не преминулъ обнаружить свое дѣйствіе.

§ 3. Τὸ δὲ ἀπὸ τούτου, πόλεμος ἡμῖν ἀκηρυκτὴ καὶ βαρβάραις ἐγένετο, ἐν ᾧ οὔτε ἐπιμίγνουσιν ἔτι παρ' ἡμῖν (εἰ καὶ μυριάκις περὶ σπονδῶν ἐκρήκευον), οὔτε ἀμαχητὶ πρὸς ἀλλήλους ἦμεν.

Τὸ δὲ ἀπὸ τούτου.... «Съ той поры... именно послѣ отвращенія гибели, — что, по моему мнѣнію, было достигнуто благодаря заключенному съ великимъ княземъ договору, — возникла война между нами и варварами». Договоръ съ русскими спасъ топарха отъ великой бѣды, но повлекъ за собою непріязнь варваровъ, которая потомъ, послѣ тщетныхъ попытокъ войти съ ними въ соглашеніе, перешла въ открытую войну.

Πόλεμος... ἀκηρυκτὴ... ἐγένετο. «Итакъ, греческій топархъ имѣлъ дѣло съ такими варварами, отъ которыхъ можно было ожидать соблюденія извѣстныхъ международныхъ обычаевъ». (Васильевскій).

По Успенскому (Отчетъ) мы имѣемъ повѣствованіе о двухъ опасностяхъ, о двухъ военныхъ дѣйствіяхъ. Первая опасность τὸν μὲν τότε ἄλεθρον была въ прошедшемъ; вторую предстоящую опасность топархъ начинаетъ описывать словами τὸ δὲ ἀπὸ τούτου. Въ первомъ случаѣ гибель была предотвращена какою-то неизвѣстной вамъ мудроумброю. — Съ этимъ можно согласиться, но неправильно предположеніе Успенскаго, будто рѣчь идетъ о различныхъ варварахъ, а не объ одномъ и томъ же народѣ. Успенскій считаетъ причиною нападенія враговъ постройку крѣпости (см. фрагменты ниже). Но это вопросъ. Набѣгъ былъ скорѣе вызванъ рѣшеніемъ подняться противъ варваровъ и покончить съ гнилымъ миромъ. Лишь послѣ такого рѣшенія топархъ напалъ на мысль отстроить крѣпость, чтобы имѣть твердый оплотъ противъ враговъ.

εἰ καὶ μυριάκις περὶ σπονδῶν ἐκρήκευον. Курецъ обратилъ мое вни-

маніе на то, что форма ἐκχρόρευον можетъ быть и третьимъ лицомъ множеств. числа, такъ что въ такомъ случаѣ глаголь относился бы къ варварамъ, о которыхъ шла рѣчь въ предъидущемъ предложеніи (ἐπεμίσγυσον): «хотя они тысячу разъ дѣлали предложенія о мирномъ трактатѣ». Такое толкованіе тоже ладитъ со смысломъ всего мѣста. Безъ предварительнаго объявленія войны начались враждебныя столкновенія между нами и варварами, такъ какъ они прервали мирныя сношенія съ нами, хотя и съ другой стороны неоднократно дѣлали предложенія о заключеніи договора. Эти мирныя предложенія показались топарху подозрительными. Все предвѣщало приближеніе большихъ бѣдствій. Какъ можно было довѣрять варварамъ, когда они не давали пощады даже своимъ лучшимъ союзникамъ! Топархъ опасается, чтобы варвары, усвоивъ бдительность жителей, не застали ихъ врасплохъ и не уничтожили въ конецъ. Съ цѣлью положить предѣлъ гиплому миру, топархъ рѣшается открыто порвать съ варварами или, какъ понимаетъ дѣло Васильевскіи, отступитъ передъ варварами и ограничиться оборонительною войною, но вести ее самымъ энергичнымъ образомъ. Слѣдствіемъ такого шага было немедленное вторженіе непріятеля.

§ 4. Καὶ ὁ μὲν πόλεμος εὐθύς ἤρξατο, ὁ δὲ χειμῶν ἐγγύς ἦν ἐμβλαεῖν. ἔτι γὰρ οὐ πολὺ τῶν... ¹⁾ ὁ ἥλιος ἀπῆν.

«И война началась сейчасъ». § 4 примыкаетъ, какъ уже было мною замѣчено, непосредственно къ началу второго отрывка: Ἀρχὴν γὰρ δὴ τότε τοῖς βαρβάροις πολεμεῖν ἐγνώμεν... καὶ αὐτοῖς τὸ δυνατόν ἀντιτετάχθαι διενόηθημεν.

ὁ δὲ χειμῶν ἐγγύς ἦν ἐμβλαεῖν. ἔτι γὰρ οὐ πολὺ τῶν χειμερινῶν ὁ ἥλιος ἀπῆν. Въ текстѣ стоитъ, правда, безсмысленное χειρινῶν. Но предшествующее предложеніе ὁ δὲ χειμῶν ἐγγύς ἦν ἐμβλαεῖν подтверждаетъ правильность незначительной поправки (χειμερινῶν), тѣмъ болѣе, что слово χειμερινός уже раньше встрѣчалось въ I. фрагментѣ 2 гл. § 3: ἡλίου κατὰ τὰ χειμερινὰ διατρέχοντος. Указаніе времени года (около зимняго солнцестоянія) имѣетъ немаловажное значеніе при рѣшеніи вопроса о порядкѣ, въ которомъ слѣдуютъ другъ за другомъ наши отрывки. Объ этомъ будетъ рѣчь ниже.

§ 5. Ἄλλ' εἰ μὲν βάρβαροι, στρατῶ παρασκευασθέντες ἰκανῶ, ἐπέ-

1) Haec omnia inducta, reposita, iterum inducta. Ubi asteriscum notavi, in Cod. est χειρινῶν. Num χειμερινῶν, sc. τροπῶν.

βαλον εις τὴν γῆν ἡμῶν, ἰππικῶ τε ἄμα καὶ πεζῶ, νομίσαντες ὡς ἄμα βοῆ παραλήψεσθαι ἡμᾶς, τῆ τε τοῦ τείχους ἀσθενείᾳ, τῆ τε ἡμῶν ὀρρώδιᾳ.

ἰππικῶ τε ἄμα καὶ πεζῶ. Конница упоминается primo loco. Изъ этого Куникъ готовъ вывести заключеніе, что варвары по всей вѣроятности принадлежали къ степнымъ наѣздикамъ. Русскіе, которыхъ Васильевскій видитъ въ варварахъ, по согласному свидѣтельству всѣхъ писателей, сражались обыкновенно пѣшіе. Обстоятельство, что варвары явились также съ отрядомъ пѣхоты, указываетъ, по мнѣнію Томашека (стр. 35), на болѣе культурныхъ номадовъ.

Непріятельское войско не могло быть велико, такъ какъ топархъ отбилъ его своимъ незначительнымъ гарнизономъ: конныхъ у него было больше ста, а пѣхотинцевъ свыше 300 (см. 3. Фрагментъ 1 гл. § 3). Если топархъ успѣлъ въ подвластной области набрать всего только нѣсколько сотъ ратниковъ, то онъ на своемъ пути черезъ приоптійскія стѣны, описанномъ въ 1 отрывкѣ, имѣлъ, очевидно, въ своемъ распоряженіи отрядъ, несравненно меньшій числомъ,—обстоятельство, исключющее всякую мысль о какомъ-либо военномъ предпріятіи, приписываемомъ топарху нѣкоторыми изслѣдователями.

ὡς ἄμα βοῆ «при повомъ нападеніи» (Васильевскій), Газе: momento. Собственно: «вмѣстѣ (одновременно) съ крикомъ», т. е. безъ всякаго труда, при первомъ натискѣ.

τῆ τε τοῦ τείχους ἀσθενείᾳ «по причинѣ слабости (непрочности) стѣны». Въ русскомъ переводѣ Васильевскаго вкралась опечатка «страны» вм. стѣны. Въ § 6 мѣсто жительства топарха уподобляется открытому селенію и тамъ же затѣмъ разсказывается, что стѣны крѣпости были въ прежнее время спасены варварами.

§ 6. Καὶ οὐκ ἀπεικός ἦν αὐτοῖς ταῦτα οἰεσθαι, οὕτως ἐπὶ κατεσκαμμένη πόλει: τὴν οἰκησιν ποιουμένων ἡμῶν, καὶ ὡς ἀπὸ κώμης μάλλον ἢ πόλεως τὰς προσβολὰς ποιουμένων ¹⁾. Ἡ γῆ γὰρ προκατέσκαπτο παρ' αὐτῶν τῶν βαρβάρων καὶ ἱκανῶς ἐξερήμωτο, ἐκ βάρων αὐτῶν καταβαλλόντων τὰ τεῖχη.

Ἄλλ' ἐκεῖνοι μὲν πολλοὺς αὐτῶν ἀποβαλλόντες и т. д. Эти зачепнутыя авторомъ предложенія перенесены имъ за незначительными

1) Sic subsequuntur illa, posterius inducta: Ἄλλ' ἐκεῖνοι μὲν πολλοὺς αὐτῶν ἀποβαλλόντες (sic) καὶ κατασχυνθέντες ἀπήσαν πρὸς ἐσπέραν, φυλάξαντες (sic) τὸ περίοριον. Πρὸς μὲν γὰρ τὸ περὶ τὸς τοῖστας καὶ αὐτὸς ἀντεταξάμεν, πρὸς δὲ τὸν ἰππικὸν ἰππικὸν, διχῆ τὸν στρατὸν παρατάξαντες.

измѣненіями въ 3. отрывокъ 1 гл. § 3; даже ошибочное правописание ἀποβαλλόντες вм. ἀποβαλόντες удержалось. Тонархъ здѣсь, какъ и въ другихъ мѣстахъ, счелъ нужнымъ дать сначала нѣкоторыя поясненія: какими судьбами случилось, что они жили въ полуразрушенномъ городѣ и стѣны были настолько непрочны, что они дѣлали свои вылазки скорѣе изъ открытаго селенія, чѣмъ изъ укрѣпленнаго города? Послѣ данныхъ разъясненій авторъ возвращается къ своему разсказу.

ἀπήεσαν πρὸς ἑσπέραν, φυλάξαντες τὸ περίορθρον. Васильевскій: «къ вечеру они ушли, побоявшись (поопасшись) утра». Васильевскій, очевидно, смѣшиваетъ φυλάσσω съ φυλάσσομαι. Глаголь φυλάσσω ни въ коемъ случаѣ не можегъ имѣть значенія «бояться», «опасаться», придаваемого ему Васильевскимъ. Переводъ Газе также не подходитъ, ибо какимъ образомъ варвары могли, послѣ своего неудачнаго приступа, отступить вечеромъ (ночью, по 3 отрывку), если они сначала обождали разсвѣта дня (servato diliculo)? Очевидная несообразность. Не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что смыслъ фразы слѣдующій: «Варвары отступили вечеромъ (ночью), ожидая разсвѣта (въ ожиданіи, и ожидали разсвѣта)». Изъ 3 отрывка (1 гл. § 3 и § 4) оказывается, что варвары рано утромъ чуть свѣтъ (τὸ περίορθρον) ушли во сволси, такъ что тонархъ, выступившій ἄμα ἔφ на зарѣ противъ нихъ, не нашелъ ихъ болѣе.

ἀντεταξάμην... παρατάξαντες. Конструкція неправильная.

Вышеприведенныя показанія пополняются 3 фрагментомъ 1 гл. § 3: Ἦσαν δέ μοι τότε ἱππεῖς μὲν ὀλίγοι πλείους ἑκατὸν, σφενδονῆται δὲ καὶ τοξόται ὑπὲρ τ'.

Ἦ γῆ γάρ προκατέσκαπτο и т. д. Сравни тамъ же οὕτως ἐπὶ κατεσκαμμένη πόλει τὴν οἰκισιν ποιουμένων. «Ἦ γῆ — прежде (§ 5) говорилось ἡ γῆ ἡμῶν, наша земля. Авторъ до такой степени любитъ повторять одини и тѣже обороты и слова, что, быть можетъ, опущеніе слова ἡμῶν (наша) не лишено основанія». Авторъ въ данномъ мѣстѣ, сдается мнѣ, разумѣетъ подъ ἡ γῆ не только свою собственную область, но вообще всю страну, о которой идетъ рѣчь. Если даже болѣе отдаленная, въ настоящее время не зависѣвшая отъ варваровъ, область тонарха была раньше опустошена ими, то какимъ образомъ могли бы подобной участи избѣгнуть близъ лежація, еще пынѣ варварамъ подвластныя земли?

καταβαλλόντων τὰ τέιχη. Васильевскій задается вопросомъ, «почему сказано разрушала, а не разрушили (καταβαλλόντων)? Была ли

еще другіе города и другія стѣны въ этой территоріи или области (γῆ), разоренной варварами? Или же здѣсь такая же ошибка въ правописаніи, какая сдѣлана авторомъ еще два раза въ рукописи (ἀποβαλλόντες вмѣсто ἀποβαλόντες)?... Намъ кажется вѣроятнымъ послѣднее». Спокойный тонъ, въ которомъ топархъ, вопреки своему обыкновенію, повѣствуетъ о прежнемъ разореніи варварами города, намекаетъ на то, что это событіе произошло задолго до его времени; когда именно, рѣшить трудно. Куникъ (Зап. Г. Т. стр. 120) думаетъ о концѣ VIII столѣтія, когда готы подъ начальствомъ епископа Іоанна подняли неудачное возстаніе противъ хазарскаго владычества, окончившееся разрушеніемъ ихъ главной крѣпости.

§ 7. Καὶ τότε ἀρχὴν ἐμοῦ πρώτου πάλιν οἰκῆσαι ¹⁾ τὰ Κλίματα διανοησαμένου. Τοιγάρτοι φρούριον μὲν τὸ πρῶτον ἐκ τῶν ἐνόντων ἐξωκοδόμησα παρ' αὐτήν, ὡς ἐκ τούτου ῥαδίως καὶ τὴν ἄλλην ἅπασαν πόλιν οἰκισθῆσθεαι...

Καὶ τότε ἀρχὴν и т. д. «И тогда только я первый напалъ на мысль снова поселиться въ Климатахъ» (по Газе и Кунику: возстановить Климаты οἰκίσαι). Τότε ἀρχὴν tunc demum, т. е. послѣ того какъ область была опустошена и стѣны города были разрушены,—полагаетъ Васильевскій. Но я съ такимъ толкованіемъ не согласенъ. По моему мнѣнію, авторъ послѣ пространнаго отступленія возвращается къ своему разсказу (въ началѣ 2 отрывка). Весьма интересно, что онъ даже повторяетъ выраженіе καὶ τότε ἀρχὴν, употребленное имъ въ началѣ 2 отрывка: Ἀρχὴν γὰρ δὴ τότε. Послѣ твердаго рѣшенія воевать съ варварами и мужественно отразить всѣ ихъ нападенія, топарху пришла въ голову мысль снова населить (отстроить) Климаты и превратить ихъ въ сильный оплотъ противъ враговъ. Что авторъ словами καὶ τότε ἀρχὴν ἐμοῦ πρώτου πάλιν οἰκῆσαι τὰ Κλίματα διανοησαμένου продолжаетъ нить разсказа, оборвавшуюся въ началѣ 2 фрагмента, явствуетъ изъ 3 отрывка, въ которомъ топархъ отчасти рефервируетъ содержаніе 2 отрывка. См. 3 фрагментъ 1 гл. § 1 καὶ ὁ πόλεμος ἤρξατο и § 3 Ἄλλ' οἱ μὲν βάρβαροι τότε πολλοὺς αὐτῶν ἀποβαλόντες и т. д. Слова: «И крѣпостца выстраивалась съ большою поспѣшностью и окружалась ровомъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ... началась война», прямо указываютъ на то, что планъ пріютиться въ Климатахъ и воз-

1) F. scribere voluit οἰκίσει, instaurare.

обновить развалившееся укрѣпленіе, быть непосредственнымъ слѣдствіемъ рѣшенія начать съ варварами открытую войну.

πάλιν οἰκῆσαι. Газе и Куникъ полагаютъ, что вслѣдствіе возникшаго уже въ первой половинѣ среднихъ вѣковъ произношенія η какъ ι, авторъ пишетъ *οἰκῆσαι* вмѣсто *οἰκίσαι*. Это весьма вѣроятно, но утверждать положительно нельзя.

Вопросъ, слѣдуетъ ли читать *οἰκῆσαι* или же *οἰκίσαι*, не безъ значенія, потому что изъ *πάλιν οἰκῆσαι* вытекаетъ, что Климаты до этихъ поръ не были мѣстопробываніемъ топарха и что лишь угрожавшая со стороны варваровъ гибель заставила его переселиться въ разрушенный пустынный городъ и отстроить его. Впрочемъ, Васильевскій слишкомъ далеко заходитъ, утверждая неизвѣстно на какомъ основаніи, что и предшественники топарха не жили въ Климатахъ. Если же читать *οἰκίσαι*, то тутъ идетъ рѣчь не о заселеніи Климатовъ заново, а только о возведеніи укрѣпленій въ городѣ, служившемъ ему резиденціею и являющемся естественнымъ сборнымъ пунктомъ для всѣхъ окрестныхъ жителей. Но какъ бы то ни было, глѣтъ положительно ни малѣйшей возможности сомнѣваться въ томъ, что городъ Климаты находился въ области топарха.

Остается упомянуть о томъ, что § 7 по своему содержанію не примыкаетъ къ предыдущему § 6, какъ это было разъяснено мною выше, а самымъ тѣснымъ образомъ связывается съ началомъ 2. фрагмента, и потому слабое разграниченіе этихъ параграфовъ точкою съ запятой [·] неумѣстно. Либо авторъ ошибочно помѣстилъ точку слишкомъ высоко, либо мы имѣемъ дѣло съ простымъ недосмотромъ Газе.

ἐκ τῶν ἐνότων. Газе: *pro facultatibus* (по возможности). Васильевскій безъ сомнѣнія правъ, если греческое выраженіе понимаетъ конкретно и разумѣетъ подъ нимъ имѣющійся подъ руками матеріалъ.

ἐκ τούτου: изъ этой (крѣпости). По Курцу, быть можетъ: вслѣдствіе этого, по этой причинѣ.

τὴν ἄλλην ἄπασαν πόλιν. Что *πόλιν* = Климаты, ясно.

Относительно τὰ Κλήματα я напирваю на то, что во всей византійской литературѣ τὰ Κλήματα или τὰ Κλίματα въ качествѣ имени собственнаго встрѣчается только у Константина Багрянороднаго въ его сочиненіи *de admin. impregio* и означаетъ область, расположенную на Таврическомъ полуостровѣ. Уже одно это обстоятельство заставляетъ насъ по необходимости связывать τὰ Κλήματα фрагментовъ съ τὰ

Κλίματα у Константина Б., помимо всѣхъ другихъ намековъ, указывающихъ на южное побережье Крыма, какъ на родину топарха. Моимъ рецензентамъ я ставлю въ упрекъ, что они не потрудились высказаться на счетъ Климатовъ, не смотря на то, что я (ниже) посвятилъ Климатамъ особую статью, въ которой опредѣленно доказываю необходимость ихъ приуроченія въ значеніи имени собственнаго къ побережью Крыма между Херсонскою и Керченскою областями. Въ виду громадной важности такого результата для выясненія нашей Записки, Кулаковскій и Успенскій обязаны были либо его признать, либо его опровергнуть, а не обходить его молчаніемъ.

3. Отрывокъ.

1 Глава.

§ 1. Καὶ τὸ μὲν ἀνσφοδόμετρο τάχει πολλῶ, καὶ περιέφραχτο τάφρφ. καὶ ἄμα τούτων 1)... καὶ ὁ πόλεμος ἤρξατο.

τὸ μὲν относится къ только-что названному въ § 7 φρούριον. Это τὸ μὲν вмѣстѣ съ содержаніемъ всей фразы, въ которой особеннаго вниманія заслуживаетъ τάχει πολλῶ, говорить въ пользу того, что 3-ій отрывокъ является непосредственнымъ продолженіемъ второго. Это въ свою очередь подтвердитъ разборъ послѣдняго фрагмента. Такъ какъ второй и третій отрывки составляютъ одно неразрывное цѣлое, то было бы цѣлесообразнѣе говорить о двухъ фрагментахъ, а не о трехъ. И по мѣсту, занимаемому третьимъ отрывкомъ въ кодексѣ, онъ непосредственно слѣдуетъ за вторымъ, что явствуетъ изъ замѣчанія Газе: Sequuntur in folio alio abrupta illa, superioribus subjugenda. Поэтому Газе поступилъ бы правильнѣе, если бы вмѣсто многоточія въ концѣ 2. отрывка поставилъ просто точку.

ἄμα τούτων... Слѣдующее затѣмъ слово Газе не въ состояніи былъ разобрать. Здѣсь ожидается выраженіе въ родѣ «приготовленіи», «работы».

ὁ πόλεμος ἤρξατο. Уже раньше было указано на то, что авторъ тутъ повторяетъ высказанную имъ во 2-мъ отрывкѣ 2 гл. § 4 мысль καὶ ὁ μὲν πόλεμος εὐθὺς ἤρξατο.

1) Subest verbum adeo inductum, ut legi nequeat.

§ 2. Μεμέριστο δὲ τὸ φρούριον κατὰ συγγενείας, καὶ κατέθεντο ἐν αὐτῷ τὰ σπουδαιότερα· ὅσα δὲ περιττά, ἔξω πρὸς κατὰ τὸν ἄλλον τῆς πόλεως περίβολον ἔκειτο. Ἰκικέτο γὰρ ἤδη καὶ ἡ πόλις ἅπασα· τὸ δὲ φρούριον ὡς ἐν μεγάλῳ κινδύνῳ σώσειν ἡμᾶς ἐζητοίμαστο 1).

κατὰ συγγενείας. Семья, роды, между коими была распределена крѣпостца, свидѣлствуютъ о существованіи патриархальныхъ отношеній въ области топарха. По мнѣнію Успенскаго (Отчетъ), здѣсь слѣдовало обратиться къ военному смыслу слова. Онъ указываетъ на то, что по дружбѣ и по родству распределялись части войска въ налаткахъ и въ отрядахъ, что такое распределеніе удерживалось и въ строю, и въ пути, и на стоянкахъ. «Значитъ, приведенное мѣсто могло бы говорить о томъ, что башня..., какъ военная единица, раздѣлена была между частями военныхъ людей.

Ἰκικέτο γὰρ ἤδη καὶ ἡ πόλις ἅπασα. Ср. конецъ 2. фрагмента καὶ τὴν ἄλλην ἅπασαν πόλιν οἰκισθήσεσθαι и немного выше въ томъ же § 7 ἐμοῦ πάλιν οἰκῆσαι τὰ Κλήματα διανοησαμένου. Городъ былъ уже настолько отстроенъ, что сталъ наполняться людьми. Равнымъ образомъ онъ былъ уже снабженъ стѣною, хотя и весьма непрочною (τοῦ τεύχους ἀσθενεία въ 2. отр. 2 гл. § 5). Ср. κατὰ τὴν ἄλλον τῆς πόλεως περίβολον въ 3 отр. 1 гл. § 2.

τὸ δὲ φρούριον ὡς ἐν μεγάλῳ κινδύνῳ σώσειν ἡμᾶς ἐζητοίμαστο (ἐτηρεῖτο). Въ случаѣ занятія города врагами, цитадель должна была служить послѣднимъ убѣжищемъ. Что касается слѣдующаго за ἐζητοίμαστο и не зачеркнутаго авторомъ выраженія ἐτηρεῖτο, то по домыслу Васильевскаго авторъ хотѣлъ было съ него начать новое предложеніе, но, написавъ первое слово, раздумалъ, причемъ забылъ зачеркнуть ἐτηреῖτο. Мнѣ же, напротивъ, кажется, что авторъ хотѣлъ словомъ ἐτηреῖτο замѣнить выраженіе ἐζητοίμαστο. Весь городъ былъ заселенъ; крѣпостца же приберегалась какъ ultimum refugium. Здѣсь жители имѣли скрѣпиться въ крайней опасности.

§ 3. Ἄλλ' αἱ μὲν βάρβαροι τότε πολλοὺς αὐτῶν ἀποβαλόντες 2) καὶ κατασιγυνθηθέντες 3) ἀπήεσαν πρὸς νύκτα, φυλάζαντες τὸ περίορθρον· ἐγὼ δὲ ἅμα ἐφ' τὸν στρατὸν ἀντέξῃγον πολεμησείων. Ἦσαν δὲ μοι τότε ἰππεῖς μὲν ὀλίγῳ πλείους ἑκατὸν, σφενδονῆται δὲ καὶ τοξόται ὑπὲρ τ'.

1) Sequitur hic ἐτηρεῖτο, quod oblitus est inducere scriptor.

2) ἀποβαλλόντες Cod.

3) Sic Codex. Vid. supra p. 114 not. 1: κατασιγυνθηθέντες.

καταισχυνθηθέντες ошибочно вм. καταισχυνθέντες, какъ форма гла-
сигъ во 2 фрагм. 2 гл. § 6; сравни стр. 400/401 у Васильевскаго.

πρὸς νύκτα стоπτὴ здѣсь вмѣсто πρὸς ἐσπέραν во второмъ отрывкѣ.
σφενδονῆται δὲ καὶ τοξόται ὑπὲρ τ': «Пращниковъ и лучниковъ
свыше 300». Въ латинскомъ переводѣ отмѣчено сс, что очевидно опеч-
атка вмѣсто ссс. А Васильевскій, должно быть, по недосмотру пере-
водитъ ὑπὲρ τ' «ше болѣе трехъ согъ».

Этого 3. § и зачеркнутое мѣсто въ § 6 (2. фр. 2. гл.) взаимно
дополняютъ другъ друга, о чемъ уже было говорено.

§ 4. Οὐδαμοῦ δὲ τῶν βαρβάρων ὄντων, τὰ τῷ καιρῷ μοι σύμφορα
ἐξηρτύετο, τεῖχος μὲν τὸ παλαιὸν ἀνεγείρων ¹⁾, καὶ διδάσκων τοὺς ἐμοὺς
εὖ παρεσκευάσθαι πρὸς τὰ πολέμια. Πρὸς δὲ τοὺς ἡμῖν προσέχοντας δρόμῳ
κῆρυκας ἔπεμπον. καὶ μετεκαλούμην αὐτοὺς, σκεψόμενος περὶ τῶν ὄλων ²⁾.

τεῖχος μὲν τὸ παλαιὸν ἀνεγείρων. Дѣло идетъ о возобновленіи старыхъ
городскихъ стѣнъ, нѣкогда разрушенныхъ варварами. Въ § 2 той же
главы говорится о другомъ укрѣпленіи города (κατὰ τὸν ἄλλον τῆς
πόλεως περιβολῶν), но оно, очевидно, не тождественно съ старой город-
ской стѣной, а есть какаля-то предварительна и наскоро выстроенная
ограда, такъ какъ лишь по отступленіи варваровъ тонархъ приказалъ
воздвигнуть прежнія городскія стѣны.

Πρὸς δὲ τοὺς ἡμῖν προσέχοντας, «къ тѣмъ, которые держались
насъ», которые относились къ намъ дружественно, сочувствовали намъ;
или просто: къ нашимъ приверженцамъ. Газе: Eos autem qui ditio-
nis nostrae erant, nunciis cursim missis accessivi. Поновъ: къ нашимъ
союзникамъ. Васильевскій на стр. 401 и Куникъ (Зап. Г. Т.
120—121) не согласны съ переводомъ Газе и Понова и настаиваютъ
на дословномъ значеніи προσέχω. Авторъ определенно различаетъ
«тѣхъ, которые держались насъ», отъ «своихъ людей» (τοὺς ἐμοὺς).
Первые не принимали участія въ оборонѣ Климаговъ, ибо въ такомъ
случаѣ тонархъ не принужденъ бы былъ ихъ пригласить къ себѣ въ
Климаты (ср. Вас. 401). Изъ очерка автора явствуетъ, что не вся
сосѣдняя земля была опустошена варварами, а что вблизи Клима-
говъ находилась область, которыхъ еще не коснулись варвары и
откуда самые знатные были созваны тонархомъ на совѣщаніе.

1) Sic Cod.

2) Sic primo leguntur illa: Δείσας δὲ, μὴ ἐσαυθίς τελεῖσθαι δυνάμει ἀρεῖ, sed haec in-
ducta sunt. Deinceps illa item inducta, καὶ στρατῶ μεγάλῳ ἀφῆρυντο. Γενομένης δὲ
ἐκκλησίας, ἃ μὲν εἶπον ἐγὼ τότε. Inde haec non inducta Ἀφηγόμενος δὲ κ. τ. λ. quae in
textum recepi.

Уже здѣсь позволяю себѣ подчеркнуть, что заключеніе, которое Вас. дѣлаетъ на основаніи § 4, несостоятельно. Оно гласитъ: «Итакъ, гарнизонъ крѣпости и его начальникъ, нашъ топархъ, были здѣсь людьми чуждыми, пришлыми... Наконецъ, я тѣ, которые держались топарха и его земляковъ, не были особенно привязаны къ нему и уже готовы были передаться вслѣдъ за другими той же варварской власти». Доказательство воспослѣдуетъ ниже.

σχεφόμενος περί τῶν ἔλων «съ цѣлью все взвѣсить», «чтобы имѣть возможность обозрѣть общее положеніе дѣлъ» и. т. д. Переводъ Вас.: «имѣя въ виду принять окончательное рѣшеніе», кажется мнѣ нѣсколько сомнительнымъ. Газе: de regum summa in consilium ire volens.

Послѣ предложенія τεῖρον μὲν τὸ παλαιὸν ἀνεγείρων слѣдуютъ зачеркнутыя авторомъ слова: Δείσας δὴ μὴ ἰσαῦθις τελεῖσθαι ἀρ... καὶ στρατῷ μεγάλῳ ἀφίξοιντο. Γενομένης δὲ ἐκκλησίας, ἃ μὲν εἶπον ἐγὼ τότε. Изъ опасенія вторичнаго нашествія варваровъ съ болѣе сильнымъ войскомъ, топархъ воздвигаетъ старую городскую стѣну, велитъ своимъ людямъ упражняться въ военныхъ дѣйствіяхъ и посылаетъ парочныхъ къ своимъ приверженцамъ съ приглашеніемъ явиться въ Климаты на совѣщаніе.

Предложеніе δὲ ἐκκλησίας, ἃ μὲν εἶπον ἐγὼ τότε возстановляется нѣсколько ниже въ 2. гл. § 1. Предшествующія же вычеркнутыя слова опущены авторомъ, но не потому, чтобы мысль, выраженная въ нихъ, показалась ему неправильною. Напротивъ, всѣ поступки топарха, всѣ принятыя имъ мѣры указываютъ на то, что онъ не считалъ войны оконченною, а ожидалъ новаго сильнѣйшаго нападенія.

2 Глава.

§ 1. Ἀριγμένων δὲ ἀπαντοχόθεν, καὶ ἐκκλησίας ἐκ τῶν ἀρίστων γενομένης, ἃ μὲν εἶπον ἐγὼ τότε, καὶ ὡς οἶων δεσποτῶν μᾶλλον ἀντιποιεῖσθαι προσήκει, καὶ πρὸς οἷους ἐλθόντας τίνα ὠφέλειαν πειρᾶσθαι ἀπ' αὐτῶν εὐρίσκειν, καὶ τί ποιητέον ἐστί, καὶ τᾶλλα πάντα, ἃσα τότε εἶπον ἐγὼ, ἃ καὶ παντὸς μᾶλλον τιμησαίμην, μακρόν ἂν εἴη πάντα ἐξεφεῖς λέγειν βούλεσθαι.

Послѣ разрыва съ варварами дѣло шло объ избраніи новаго покровителя, который былъ бы въ состояніи защитить ихъ отъ варваровъ. Рѣчь, которую Васильевскій влагаетъ въ уста топарху, не что иное, какъ произведеніе его собственной фантазіи. Изъ соображеній, руко-

водившихъ собраніемъ, видно, что доводы топарха носили весьма практической характеръ, что подъ властелинами (δεσποτῶν) разумѣлись только императоръ византійскій и великій князь Кіевскій. Между ними приходилось выбирать.

При этомъ ораторъ, повидимому, изложилъ объективно положеніе дѣла и безпристрастно взвѣсилъ всѣ доводы pro и contra. Въ своей рѣчи онъ не обнаруживаетъ своего личнаго расположенія къ тому или другому монарху, хотя и слѣдуетъ предположить, что онъ, если уже тогда находился въ сношеніяхъ съ великимъ княземъ, склонился въ душѣ на сторону послѣдняго. Миѣ непонятно, отчего Васильевскій счтаетъ топарха представителемъ византійской власти, отстаивающимъ интересы императора; Куникъ же, напротивъ, изъ его рѣчи выводитъ его готовность совсѣмъ отложиться отъ Византіи. Ни на желаніе автора Записки держаться византійскаго правительства, ни на противоположное намѣреніе отстраниться отъ Византіи, нѣтъ никакого указанія въ его рѣчи и сообщенныхъ имъ побужденій, руководившихъ собраніемъ при выборѣ себѣ новаго покровителя. Если Успенскій (Отчетъ 261) замѣчаетъ: «конструкція фразы [ἔ μὲν εἶπον ἐγὼ τότε... οἱ δὲ εἶτε ὡς μηδέποτε βασιλικῆς εὐνοίας ἀπολελαυκότες] показываетъ, что въ рѣчи автора отрывковъ былъ тотъ предметъ, который выдвигается въ репликѣ (οἱ δὲ);... что духъ его рѣчи былъ эллинофильскій»,—то все-таки изъ этого еще никакъ не слѣдуетъ, будто нашъ топархъ состоялъ на византійской службѣ, былъ византійскимъ чиновникомъ.

§ 2. Οἱ δὲ, εἶτε ὡς μηδέποτε βασιλικῆς εὐνοίας ἀπολελαυκότες, μηδ' Ἑλληνικωτέρων τρόπων ἐπιμελούμενοι, αὐτονόμων δὲ μάλιστα ἔργων ἀντιποιοῦμενοι, εἶτε ἄμοροι ὄντες πρὸς τὸν κατὰ τὰ βόρεια τοῦ Ἰστροῦ βασιλεύοντα, μετὰ τοῦ στρατῶ ἰσχυροῦ πολλῶν καὶ δυνάμει μάχης ἐπαίρεισθαι, ἤθεοί τε τοῖς ἐκεῖ τὰ παρὰ σφῶν αὐτῶν οὐκ ἀποδιφέροντες, ἐκείνων ¹⁾ καὶ σπεύσασθαι καὶ παραδώσειν σφᾶς ζυνέθεντο, κάμει τὰ τοιαῦτα πράξειν κοινῇ πάντες ἐπεφρίσαντο.

εἶτε ὡς μηδέποτε... Частица ὡς означаетъ, что авторъ передаетъ мнѣніе собранія, а самъ нарочно ступшевывается. Поэтому нельзя знать, обличаетъ ли онъ жителей въ неблагодарности (Васильевскій) или же осуждаетъ византійское правительство (Куникъ). Въ своемъ неизданномъ сочиненіи (Галидо, стр. 374 и 377—378) Куникъ высказывается слѣдующимъ образомъ:

1) Читай ἐκείνῳ или же ἐκείνοισ.

«Тонархъ, какъ писатель, обнаруживаетъ мѣстами... манеры дипломата или, проще, полягическаго іезуита, скрываетъ истинный ходъ событій. Такъ онъ недостаточно раскрываетъ причины, заставившія въ концѣ концовъ народецъ, во главѣ котораго онъ стоялъ опекуномъ, вступить подъ покровительство великаго князя Кіевскаго... Тонархъ, очевидно, не хотѣлъ раскрыть предъ другими дѣйствительнаго хода совѣщаній, происходившихъ въ земскомъ собраніи, созванномъ имъ самимъ. Хотя онъ сообщаетъ, что предложилъ собранію вопросъ: кого оно желаетъ избрать себѣ при современномъ положеніи дѣлъ государемъ или повелителемъ, но онъ же не хочетъ дать и вида, что знаетъ, почему результатъ совѣщаній былъ такой, а не иной. Съ другой же стороны онъ не считаетъ лишнимъ сообщить объ этомъ свое личное мнѣніе и высказать причины: 1) почему его кліенты совершенно отстранились отъ Византіи и 2) почему она рѣшилась обратиться къ русскому великому князю? Онъ раздѣляетъ эти два предложенія нарѣчіемъ *εἴτε—εἴτε*, не высказываясь однако прямо въ пользу мысли, заключающейся въ томъ или другомъ. Но изъ предыдущихъ его словъ можно заключить, что почти повѣрное въ своей рѣчи онъ указалъ, хотя не прямо, на русскаго князя, какъ на самаго надежнаго спасителя».

Васильевскій передаетъ частицу *ὥς* черезъ «какъ будто», что вводитъ читателя въ заблужденіе. *ὥς* лучше всего перевести здѣсь черезъ «де» или «какъ они говорили». «Ибо они-де никогда не пользовались благорасположеніемъ императорскимъ». Этотъ аргументъ доказываетъ, что собравшіеся люди не могутъ быть жителями Херсона, которые въ теченіе многихъ вѣковъ были предметомъ особыхъ попеченій греческихъ императоровъ, получая отъ нихъ нерѣдко крупныя денежныя вспоможенія, и въ данное время управлялись императорскими сановниками.—«Мѣсто слѣдуетъ понимать въ томъ смыслѣ, что за дальностью власти императора обитатели тѣхъ мѣстъ не могли воспользоваться благами, истекающими изъ принадлежности къ великому христіанскому государству» (Успенскій Кіевск. Старина 275).

μηδ' Ἑλληνικωτέρων τρόπων ἐπιμελούμενοι. Куникъ (Записка Г. Т. 121) замѣчаетъ: «Извѣстно, что византійцы уже не называли себя Ἕλληνες, — имя это получило у нихъ значеніе язычниковъ, — а именovali себя Ῥωμαῖοι. Только иноплемennымъ народамъ давали они имя Грековъ, Γραικοί, какъ скоро тѣ бросали свой родной языкъ и эллинизировались... Сравнительное ἑλληνικώτερος уотреблялось уже

и въ древности, въ смыслѣ: болѣе на греческій образецъ, т. е. болѣе на подобіе народовъ, мыслящихъ и дѣйствующихъ какъ образованные Эллины. Слѣдовательно объясненіе Газе: *graecanica vitae ratio* вполне вѣрно». Васильевскій же (406) разумѣетъ подь *οἱ ἑλληνικοὶ τρόποι* языческіе варварскіе обычаи, передаетъ *μὴ ἐπιμελούμενοι* словами «не заботясь», «не обращая вниманія», понимая ихъ, видимо съ натяжкою, въ томъ смыслѣ, что участниковъ вѣча не отвращали, не отталкивали языческіе обычаи того народа, которому они рѣшили передаться.

Противъ такого домысла говоритъ уже то обстоятельство, что авторъ раздѣляетъ побужденія собранія явно на двѣ группы: въ первой сопоставлены причины, отвергнувшія его отъ Византія; во второй соединены всѣ доводы, заставившіе примкнуть къ царствующему на сѣверѣ отъ Дунал. Весьма мѣтко замѣчаніе Успенскаго (275), направленное противъ Васильевскаго: ...«здѣсь нужно имѣть въ виду сопоставленіе *ἑλληνικώτεροι τρόποι* и *αὐτόνομα ἔργα*. Здѣсь именно выставлена бросающаяся въ глаза разность между обширнымъ государствомъ съ строгой централизаціей власти, каково было византійское государство, и небольшими сельскими общинами, племенами или кланами, изъ которыхъ каждое управляется своею родовою или племенною властью». Но окончательно подорвалъ толкованіе Васильевскаго Куникъ въ своемъ «Галиндо» (376 сл.): ...«у Византійцевъ было еще живо воспоминаніе того, что *Ἕλληνες* были не только язычниками, но вмѣстѣ съ тѣмъ дѣйствительно представителями цивилизаціи въ противоположность другимъ восточнымъ и европейскимъ народамъ, которые считались варварами... Не смотря на то, что Византійцы употребляли *Ἕλληνες* и *ἑλληνικός* въ значеніи язычники и языческій, въ то же время они нисколько не затруднялись обозначать языкъ и характеръ древнихъ Грековъ названіями, напоминающими о связи, существовавшей между старинною и новымъ временемъ. Лучшимъ примѣромъ въ этомъ отношеніи можетъ служить патріархъ Фотій... терминъ *ἑλληνικώτεροι τρόποι* встрѣчается въ томъ мѣстѣ, гдѣ топархъ приводитъ причины, заставившія Готовъ отстраниться отъ Византія. По этому этотъ терминъ рѣшительно нельзя примѣнить къ Руси и въ данномъ случаѣ не заключаетъ въ себѣ никакого намека на языческія понятія, господствовавшія на Руси или у Византійцевъ. Наконецъ въ немъ не скрывается никакой упрекъ, сдѣланный будто бы топархомъ Готамъ за то, что послѣдніе, какъ православные христіане, выбирая себѣ покровителя, не обращали вниманія на то, что они попадали подь власть

языческой Руси... Съ чисто филологической точки зрѣнія всякая попытка объяснить терминъ *ἑλληνικώτεροι τρόποι* языческими образами можно считать не малою тратою времени и труда. Прежде всего каждый изслѣдователь этого вопроса обязанъ объяснить самымъ убѣдительнымъ и нагляднымъ образомъ причину употребленія топархомъ прилагательнаго въ превосходной степени. Не хотѣлъ ли топархъ такимъ употребленіемъ предостеречь читателей отъ смѣшенія значенія *ἑλληνικώτεροι τρόποι* съ значеніемъ *ἑλληνικοί τρόποι*, какое при дается послѣднему выраженію въ византійско-церковномъ языкѣ? Какъ бы то ни было, но значеніе этой превосходной степени, какъ отдѣльное слово, объясняется прямо изъ древнегреческаго языка... Если бы прилагательное *ἑλληνικός* въ превосходной степени употреблялось и въ церковномъ смыслѣ, то въ множествѣ памятникѣ византійской духовной письменности давнымъ давно нашлись бы примѣры такого употребленія. Слѣдовательно, топарху *ἑλληνικώτερος* было извѣстно по какому нибудь, не дошедшему до насъ, памятнику древнегреческой письменности. Нарѣчіе *ἑλληνικώτερος* извѣстно только по одному схолиасту Гомера, — въ значеніи: *magis graece*, а въ нынѣшнемъ разговорномъ греческомъ языкѣ употребляется: *ἐπὶ τὸ ἑλληνικώτερον* въ значеніи: лучше по гречески (при объясненіи словъ, встрѣчающихся только въ простонародномъ говорѣ). Въ другихъ случаяхъ *ἑλληνικώτερος* (*magis graece*) могло значить: болѣе на греческій образецъ. Въ превосходной степени *ἑλληνικώτατος* встрѣчается только разъ, — въ одной изъ рѣчей Демосѣена (439) противъ Филиппа Македонскаго, котораго одинъ льстець почтилъ этимъ прозвищемъ. Но для насъ особенно важны два мѣста у Плутарха. Въ одномъ изъ нихъ говорится о Нумѣ, — слѣдовательно, собственно о варварѣ, — что онъ въ своихъ постановленіяхъ о рабахъ былъ гораздо гуманнѣе Ликурга... и приводятся подробныя доказательства на это. Особенно интересна для насъ характеристика извѣстнаго вождя возставшихъ рабовъ въ Италіи (72 г. до Р. Х.), Спартака, варварское происхожденіе котораго не подлежитъ никакому сомнѣнію: Спартакъ, Θρακίεψ, изъ рода кочевниковъ, человекъ не только сильнаго ума, отличавшійся физическою силою; но и, по своей пронырливости и кротости, стоялъ выше своей судьбы и былъ болѣе гуманнымъ, чѣмъ свойственно его роду *τοῦ γένους ἑλληνικώτερος* (т. е. чѣмъ можно было ожидать отъ человека такого происхожденія). Послѣ всего сказаннаго, я осмѣливаюсь надѣяться, что уже никто не подумаетъ примѣнить терминъ

ἑλληνικώτεροι τρόποι къ образу жизни язычниковъ. Удалось ли мнѣ объяснить значеніе этого термина у топарха, вѣрно и точно, или только отчасти, приблизительно, — пусть рѣшаютъ другіе. Замѣчу только, что топархъ не совершенно исключаетъ понятія народности въ переносномъ значеніи слова ἑλληνικώτερος, такъ какъ, по убѣжденію Византійцевъ, представителями высшей культуры были Ромеи или Греки (Ῥωμαῖοι или Γραικοί) какъ потомки древнихъ Эллиновъ».

Не знаю, имѣеть ли въ данномъ случаѣ τρόποι значеніе «обычай», въ виду слѣдующей фразы αὐτονόμων δὲ μάλιστα ἔργων ἀντιποιοῦμενοι. Автономія, которой они прежде всего домогались, противопоставляется (какъ уже замѣтилъ Успенскій) централизація византійскаго правительства (господствовавшей и у болгаръ). Не лучше ли поэтому передать τρόποι словами: «образъ жизни», «бытовые порядки».

αὐτονόμων δὲ μάλιστα ἔργων ἀντιποιοῦμενοι. Эти слова также говорятъ противъ Херсонской республики, какъ мѣстожительствъ топарха, такъ какъ они свидѣтельствуютъ о томъ, что жители выше всего ставили свою автономію, которой они повидимому до сихъ поръ пользовались, находясь въ слабой зависимости отъ варваровъ.

Сопоставимъ здѣсь еще разъ по Кунику (Галиндо 378) всѣ тѣ побужденія, которые заставили жителей (со словъ топарха) отказать отъ византійскаго протектората.

«Онъ (топархъ) приводитъ три причины отстраненія Готовъ отъ Византіи. По нему, Готы относительно Византіи держались того мнѣнія, будто бы императорская власть никогда не была къ нимъ благорасположена; но, можетъ быть, прибавляетъ онъ, они не предпочли византійскаго господства потому, что, по нерадѣнію, мало заботились о сближеніи съ цивилизованнымъ міромъ, представителемъ котораго въ его глазахъ была Византія. Наконецъ, — что онъ считаетъ, кажется, самою главной причиной, — потому что они особенно заботились о сохраненіи своей автономіи, которую рисковали, судя по его, не совсѣмъ ясно высказанному, намеку, совершенно потерять, если они, въ случаѣ опасности, вступятъ въ болѣе близкую и тѣсную связь съ деспотически устроенной Византіею и ея льстивыми сановниками. Готамъ, безъ сомнѣнія, было извѣстно, что Херсонъ, жители котораго считались сосѣдями Готовъ, лишился не такъ давно своей старой автономіи и съ тѣхъ поръ долженъ былъ принимать назначаемого изъ Константинополя стратега или коменданта».

Теперь слѣдуютъ причины, побудившія жителей отдаться подъ протекторатъ царствующаго къ сѣверу отъ Дуная.

1) Ἐμοροι ὄντες πρὸς τὸν κατὰ βόρειον τοῦ Ἰστροῦ βασιλεύοντα. Вели Климаты, въ чемъ невозможно сомнѣваться, лежали въ Крыму, то изъ сосѣдства жителей крымскихъ съ царствующимъ къ сѣверу отъ Дуная вытекаетъ, что послѣдній былъ могущественнымъ государемъ, ибо его владѣнія располагались на сѣверѣ отъ Дуная и съ другой стороны граничили съ областью таврическаго топарха. Здѣсь, кажется, рѣчь идетъ о непосредственномъ сосѣдствѣ съ областью топарха, въ противоположность взгляду Успенскаго (276), согласно съ которымъ имѣется въ виду сфера вліянія царствующаго къ сѣверу отъ Дуная. Въ слѣдующемъ параграфѣ, на что обращаю вниманіе, названный монархъ присоединяетъ къ территоріи топарха еще цѣлую сатрапію, значить онъ имѣлъ большую власть, но крайней мѣрѣ сильное вліяніе на дѣла Таврическаго полуострова. Но я желалъ бы тутъ напомнить читателямъ, что между его владѣніями въ Крыму и его громаднымъ государствомъ, расположеннымъ къ сѣверу отъ Дуная, залегаютъ степныя пространства, въ которыхъ его власть стѣснилась или даже совсѣмъ парализовалась кочевыми набѣдниками (см. конецъ I фрагмента).

Изъ сказаннаго можно смѣло вывести заключеніе, что могущественный монархъ не можетъ быть какимъ нибудь печенѣжскимъ княземъ (ханомъ), съ каковымъ мнѣніемъ Васильевскій и Кунникъ вполне согласны; ибо печенѣги распадалась на многія орды и каждое племя имѣло своего начальника. Тоже самое относится и къ половцамъ, появившимся въ XI столѣтіи на югѣ Россіи. Скорѣе можно было бы думать о венграхъ, когда они разводили свои кочевья въ припонтійскихъ степяхъ, такъ какъ ихъ политическая организація отличалась, какъ полагаютъ, нѣкоторою централизаціею. Но такое допущеніе исключаетъ замѣчаніе, что члены народнаго собранія (въ Климатахъ) не отличаются въ своихъ обычаяхъ отъ народа, къ которому они рѣшили присоединиться, населеніе же на южномъ побережьи Крыма осѣдлое. Даже если бы мы не знали, въ какой части Таврическаго полуострова лежатъ Климаты: въ нагорной или степной, то все-таки мы причислили бы жителей топарховой области и его сосѣдей къ осѣдымъ народамъ въ виду сообщенія о многихъ городахъ и селахъ, бывшихъ по сосѣдству съ Климатами, и о войскѣ топарха, состоявшемъ изъ 300 пѣхотвицевъ и 100 всадниковъ.

Итакъ, не представляется никакой возможности подданныхъ царствующаго къ сѣверу отъ Дуная отождествлять съ кочевниками. Могущественный повелитель долженъ, слѣдовательно, совпасть съ великимъ княземъ кievскимъ. Нѣкоторые ученые, правда, разумѣютъ подъ нимъ болгарскаго царя Симеона, но безъ всякой основательной причины. Предполагая даже, что Климаты лежатъ на Дунаѣ, нельзя утверждать, будто κατὰ τὰ βόρεια τοῦ Ἰστροῦ βασιλέωνъ есть царь болгаръ, оттого что болгарское царство простиралось на югъ отъ Дуная и вопросъ о томъ, имѣли ли болгары вообще владѣнія къ сѣверу отъ Дуная, остался понынѣ спорнымъ. Въ степяхъ, къ сѣверу отъ Дуная, жили кочевники. Какъ ни вертѣть слово βασιλέωνъ, все же понимать подъ выраженіемъ ὁ κατὰ τὰ βόρεια τοῦ Ἰστροῦ βασιλέωνъ царя болгарскаго является полнымъ произволомъ.

Браунъ (на стр. 79) передаетъ намъ сообщенное ему устно въ частной бесѣдѣ мнѣніе Куника, которому кажется страннымъ, если бы топархъ, получившій прекрасное греческое образованіе, называлъ Святослава βασιλέωνъ, тогда какъ лишь Владиміръ послѣ своего крещенія сталъ величаться βασιλεύς. Но тому я противопоставляю замѣчаніе Куника отъ 1874 года (Записка Г. Т. 123 (24): «Если бы топархъ написалъ βασιλεύς, то слѣдовало бы тутъ разумѣть великаго князя Владиміра, котораго византійскіе императоры, если вѣрять первоначальному тексту Соборной грамоты 1551 года, дѣйствительно почтили почетнымъ титуломъ βασιλεύς (въ смыслѣ царя)». Но топархъ, что прошу не упускать изъ виду, пишетъ βασιλέωνъ, не βασιλεύς. Астрономическое вычисленіе исключаетъ время правленія Владиміра Святого.

2) μετὰ τοῦ στρατῶ ἰσχύειν πολλῶ καὶ δυνάμει μάχης ἐπαίρεσθαι. Μετὰ τοῦ... «послѣ того что»... «къ тому присоединится что»... На основаніи формъ ἰσχύειν и ἐπαίρεσθαι нельзя судить о томъ, находился ли еще въ живыхъ великій князь въ то время, когда топархъ писалъ свой очеркъ, другими словами, разрѣшается ли здѣсь неопредѣленное наклоненіе настоящимъ временемъ или прошедшимъ. Многочисленное войско и военная сила намекають на весьма могущественнаго, общезвѣстнаго монарха и отвергають всякую мысль о какомъ нибудь незначительномъ военачальникѣ той или другой орды.

3) ἤθεσί τε τοῖς ἐκεῖ τὰ παρὰ σφῶν αὐτῶν οὐκ ἀποδιαφέροντες. По Эд. Курпу неупотребительный глаголъ ἀποδιαφέρω стоитъ здѣсь безъ сомнѣнія вмѣсто простаго διαφέρω; τοῖς ἐκεῖ же относится къ ἤθεσι,

между тѣмъ какъ Васильевскій переводитъ: «не отличаются по обычаемъ отъ тамошнихъ (жителей) въ своемъ собственномъ быту». Куникъ (Галиндо 375 и 379) замѣчаетъ, что «члены народнаго собранія, по своему національному (народному) характеру (ἦθη), были довольно близки къ тѣмъ, которые окружали русскаго князя или, по преимуществу, представляли военную его силу». По Кунику и пѣкоторымъ другимъ ученымъ, топархъ желалъ указать на сродство готовъ съ руссами-норманнами. Не рѣшаюсь высказаться въ пользу такого смѣлаго предположенія.

ἐκείνων (читай: ἐκείνων, или же ἐκείνοις) καὶ στείλασθαι καὶ παραδώσειν σφᾶς ξυμένεοντο. Στένδομαι значить заключить договоръ, союзъ, а далѣе: заключить перемирие или миръ. Στένδομαι = paciscor. Газе: statuerunt pacisci cum illis. Васильевскій: «они рѣшили заключить съ нимъ миръ (примириться)», хотя онъ на стр. 411/412 соглашается съ тѣмъ, что στείλασθαι можетъ означать: заключить договоръ безъ предварительной войны. Толкованіе Васильевскаго обуславливается предвзятымъ мнѣніемъ, раздѣляемымъ къ сожалѣнію и другими изслѣдователями, будто варвары, напавшіе на Климаты, тождественны съ русскими. По Васильевскому участники вѣча вошли въ соглашеніе, примирились съ «варварами». Русскій переводъ (Васильевскаго), исправленный Куникомъ (Галиндо 375), долженъ гласить слѣдующимъ образомъ: «Но или потому, что они-де никогда не пользовались благорасположеніемъ императорскимъ и не заботятся, чтобы освоиться съ цивилизованою жизнью (или: не заботятся о болѣе эллинскихъ порядкахъ), главнымъ образомъ потому что стремятся къ автономіи, или потому, что они сосѣдять (или: граничатъ) съ тѣмъ, кто царствуетъ на сѣверѣ отъ Дуная (или: за Дунаемъ, — въ сѣверныхъ странахъ...), и вмѣстѣ съ тѣмъ, могучъ большимъ войскомъ и надмеается силою въ бояхъ, и (потому, наконецъ, что) не отличаются по ихъ (народному) характеру отъ тамошнихъ (жителей) въ своемъ собственномъ быту (дословно: не отличаются отъ тамошнихъ обычаевъ въ своемъ собственномъ быту) (такъ или иначе, но) они рѣшили заключить съ нимъ договоръ и передаться ему».

καὶ μετὰ ταῦτα πράξειν κοινῇ πάντες ἐπέφηρίσαντο. Исходя изъ того вполнѣ неправильнаго представленія, будто топархъ въ качествѣ византійскаго намѣстника (чѣмъ онъ на дѣлѣ не былъ) отстаивалъ интересы византійскаго правительства, Васильевскій переводитъ съ натяжкою: «и сообща всѣ подали голосъ, что и я долженъ сдѣлать».

то же самое». Собравшееся вѣче заставило, по Васильевскому, топарха помириться съ варварами. Но *τοιούτα* не значить «то же самое». Смысль предложенія ясный: «я они все сообщца подали голосъ, чтобы я же совершилъ (исполнилъ) таковое (чтобы я же ихъ рѣшеніе привелъ въ исполненіе)». Ср. вполне правильный переводъ Газе: *ne autem negotium perficere publicitus omnes decreverunt*. Собраніе единодушно постановило поручить топарху веденіе переговоровъ съ великимъ княземъ кievскимъ.

Лестное топарху, единодушное рѣшеніе вѣча свидѣтельствуеть о томъ довѣрїи, которое питали къ его личности и дипломатическимъ способностямъ. Не можетъ быть рѣчи о какомъ-либо принужденїи, которому онъ противъ собственнаго желанїя долженъ былъ подчиниться. Онъ говоритъ просто: *καὶ ἀπέμει* «я отправился», и тутъ же прибавляетъ *ὅνα τὰ ἡμέτερα σωθῶσι*. Изъ этого можно вывести заключеніе, что топархъ самъ считаетъ эту мѣру спасительной и необходимой; онъ не дѣлаетъ ни малѣйшаго намека на то, охотно ли или неохотно онъ пошелъ къ великому князю. Изъ слѣдующаго за симъ разсказа о ласковомъ приемѣ и выгодномъ договорѣ лишь видно, что онъ весьма радъ былъ успѣшному исполненію возложеннаго на него порученія. Ни въ чемъ не проявляется его (мнимая) досада на рѣшеніе собранія. Къ тому и вопросъ о національности топарха неразрѣшимъ. Прекрасный греческій языкъ, на которомъ онъ пишетъ, онъ могъ себѣ усвоить путемъ греческаго образованія. Ничто не заставляетъ насъ видѣть въ немъ византійскаго сановника; онъ скорѣе уроженецъ области Климатовъ, интересы которой онъ такъ близко принимаетъ къ сердцу. Куникъ (Галиндо 348 и 349): «Менѣ посчастливилось другому моему замѣчанію, высказанному мною въ 1874 году: Вся статья (топарха) производитъ такое впечатлѣніе, какъ бы она написана не набѣжимъ императорскимъ чиновникомъ, а природнымъ жителемъ Крыма... (стр. 73). На стр. 71-ой я даже поставилъ вопросъ: Не избирая ли готскій топархъ, подобно корсунскому городскому магистрату, самими жителями (южнаго Крыма)?... Въ такомъ случаѣ, заключилъ я, онъ не былъ императорскимъ чиновникомъ въ строгомъ смыслѣ слова. Никто, кажется, не обратилъ вниманія на это мое замѣчаніе и, конечно, гораздо легче было отвести автору записки мѣсто коменданта какой-нибудь византійской крѣпости... Геденовъ говорить, что топархъ выдержалъ осаду по всемъ признакамъ въ одномъ изъ греческихъ городовъ Таврическаго полуострова! Можно было бы

назвать эту крѣпостцу греческою, если бы мы знали, что она была некогда основана византійскими императорами или что топархъ располагалъ греческимъ гарнизономъ. Въ запискѣ мнимаго византійскаго коменданта нельзя найти даже и намека на то, что подчиненные топарха, какъ дезертиры, покинули эту крѣпость».

§ 3. Καὶ ἀπῆεν, ἵνα τὰ ἡμέτερα σωθῶσι, καὶ ἐνέτυχον αὐτῷ ὡς εὖξαιτ' ἂν μάλιστα τις. Καὶ, ὡς δυνατὸν ἐν βραχεὶ λόγῳ πᾶν συμπεράνασ αὐτῷ, ἐκεῖνος μὲν παντὸς μᾶλλον¹⁾ μείζον τὸ πρᾶγμα ἐλογίσαστο, ἐμοὶ δὲ τὴν τῶν Κλημάτων ἀρχὴν αὐθις ἀσμένως πᾶσαν ἔδοτο, καὶ προσέθηκε καὶ σατραπείαν ὅλην, ἐν τε γῆ τῇ αὐτοῦ προσόδους ἐπετειούς ἱκανὰς ἐδώρησαστο.

καὶ ἐνέτυχον αὐτῷ Васильевскій: «я былъ принять имъ». Собственно: «я сошелся съ нимъ». Не указываетъ ли такой приемъ на дружескія сношенія, уже существовавшія между авторомъ Записки и могущественнымъ монархомъ? Замѣнилъ ли собою протекторатъ русскаго великаго князя прежнее номинальное покровительство византійскаго императора, какъ полагаютъ большинство ученыхъ, или же жители промѣняли слабую зависимость отъ варваровъ на союзъ съ русскими,—этотъ вопросъ останется открытымъ. Успенскій (Отчетъ 251):.. «выраженіе ἐνέτυχον, далеко не давая мысли о дружескихъ сношеніяхъ, ...можетъ служить указаніемъ на то, что свиданіе произошло не въ столицѣ, а скорѣй случайно въ походѣ или въ пути... Путешествіе вообще не могло быть въ далекую область, принимая во вниманіе опасное положеніе Климатовъ и грозу варварскаго нападени». Съ этими замѣчаніями нельзя не согласиться.

Καὶ, ὡς δυνατὸν ἐν βραχεὶ λόγῳ πᾶν συμπεράνας. Васильевскій: «По возможности въ краткой бесѣдѣ я порѣшилъ съ нимъ обо всемъ» Газе: Atque ita, ubi colloquio brevi, ut poteram, totum negotium transegeram cum eo. Λόγος не совсѣмъ точно переводится, мнѣ кажется, словами colloquium, бесѣда. Въ такомъ значеніи слѣдовало бы ожидать множественнаго числа (λόγοι). Тутъ, повидимому, рѣчь идетъ о донесеніи, сдѣланномъ монарху топархомъ. Какъ бы то ни было, слова ὡς δυνατὸν ἐν βραχεὶ λόγῳ предполагаютъ до известной степени, что монархъ былъ уже до того времени хорошо ориентированъ относительно общаго положенія дѣлъ на родинѣ топарха. Изложеніе топарха производитъ на меня впечатлѣніе, какъ будто онъ въ качествѣ союз-

1) Sic Cod.

ника, либо вассала дѣлаетъ докладъ государю о важнѣйшихъ происшествiяхъ въ своей родной странѣ.

ἐμοὶ δὲ τὴν τῶν Κλημάτων ἀρχὴν αὐθις ἀσμένως πᾶσαν ἔδοτο. Больше всего вниманiя здѣсь обращаетъ на себя αὐθις *iterum* = снова, опять, вторично. Если просто подойти къ этой фразѣ, не мудрствуя лукаво, то она намъ говоритъ, что топархъ уже раньше былъ нѣчто въ родѣ посадника великаго князя и въ настоящее время снова утверждался имъ въ своемъ санѣ. За оказанныя услуги онъ былъ награжденъ увеличенiемъ подвластной ему территорiи и дарованiемъ ему ежегодныхъ доходовъ съ собственныхъ владѣнiй великаго князя.

τὴν τῶν Κλημάτων ἀρχὴν. Васильевскiй упорно стоитъ на томъ, что τὰ Κλήματα вездѣ означаетъ городъ, а не область. Въ началѣ я держался такого же взгляда. Теперь же я склоняюсь на сторону Купника. См. «Галиндо» стр. 352: «По мнѣнiю нашего критика τὰ Κλήματα, здѣсь, какъ и во второмъ отрывкѣ, значить просто укрѣпленiе или городокъ. Сознаемся, что въ 1874 году мы напрасно не признали этого значенiя слова τὰ Κλήματα, употребленнаго топархомъ во второмъ отрывкѣ; но не видимъ никакой возможности придавать такое же значенiе этому слову и въ только что приведенномъ мѣстѣ изъ третьяго отрывка топарха... кого же посадилъ великiй князь править всей — то волостью или землею, τὰ (λεγόμενα) κλήματα, если возвратилъ топарху лишь власть надъ ничтожною крѣпостцею (называемою Климатомъ)?» Поэтому Купникъ данное мѣсто переводить (Галиндо 351): «и охотно далъ мнѣ опять всю власть надъ (областью) Климатами».

Въ заключенiе коснемся весьма оригинальнаго мнѣнiя Успенскаго (К. ст. 277—279), тоже считающаго нашего фрагментиста за представителя византийскаго правительства, что монархъ, принявшiй такъ ласково топарха, не тождественъ съ царствующимъ на сѣверѣ отъ Дуная, а есть императоръ византийскаго, которому начальникъ Климатовъ остался вѣренъ, вопреки желанiю народнаго вѣча. «Ясное дѣло, аргументируетъ Успенскiй, что снова давать власть могъ только тотъ, кто прежде далъ ее, а именно византийскаго императора».

Фр. Вестбергъ.

(Окончанiе слѣдуетъ).